

АНДРЕЙ
БОНДАРЕНКО

МЕТЕЛЬ

Неформатные книги

Андрей Бондаренко

Метель

«Автор»

2010

Бондаренко А.

Метель / А. Бондаренко — «Автор», 2010 — (Неформатные книги)

В последние годы в России издано много романов о так называемых «попаданцах». То есть о наших современниках, попавших – волею судеб – в далекое прошлое и не имеющих при этом под рукой Машины Времени, чтобы вернуться назад. Но, может быть, есть и другие сценарии пребывания наших современников в прошлом? Может быть, «попаданцы» все-таки могут вернуться назад, ничего в этом прошлом не изменив? А если они возвращаются, то, собственно, с какими трофеями?

© Бондаренко А., 2010

© Автор, 2010

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	16
Глава третья	23
Глава четвёртая	28
Глава пятая	35
Глава шестая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Андрей Бондаренко

Метель

От автора

В последние годы в России издано избыточно много – на мой скромный взгляд – романов о так называемых случайных «попаданцах». То есть, о наших современниках, попавших – волею судеб – в далёкое Прошлое и не имеющих при этом под рукой Машины Времени, чтобы вернуться назад.

Большинство этих книг построены по единой и весьма нехитрой схеме: «наши» потихоньку обживают «там», легализуются, после чего начинают – в массовом порядке – совершать необычные и героические подвиги, неуклонно повышая свой общественный статус и постепенно добираясь до «властных вершин».... Как же иначе? «Наши-то», они – о-го-го!

Образованные, умные, начитанные, психологически-устойчивые, целеустремлённые. Что для них – сделать успешную карьеру «там», находясь среди дремучих и отсталых индивидуумов? Ерунда ерундовая, раз плюнуть...

Каюсь, грешен: не сдержался и тоже отметил несколько романами о «героических и супер-успешных «наших» – во Временах Далёких».

Возможны ли другие сценарии пребывания наших современников в Прошлом? Более скромные и, так сказать, менее пафосные? То есть, *неформатные*? Возможны ли кратковременные посещения Прошлого? Например, на несколько суток – так, между делом – без всяческих глубинных последствий? Возвращаются ли «попаданцы» – по доброй воле и без особых проблем – назад, в Настоящее? *И, если возвращаются, то, собственно, с какими трофеями?*

Недавно мне рассказали одну занятную историю: романтическую такую, красивую, увлекательную и весьма правдоподобную.

Вот, уважаемые читатели, хочу поделиться этим рассказом с вами...

Автор

Пролог

Пёс – напротив

Каждую пятницу – по дороге с работы – Петя Бурмин (для своих Пьер), по давно уже устоявшейся традиции заходил в один и тот же кабачок: расслабиться, развлекаться, выпить – под неторопливые и беззаботные разговоры с приятелями – литр-другой светлого пива.

Пивной бар именовался громко и многообещающе – «Два капитана» – но в интерьере заведения ничего морского не наблюдалось: стены, наспех обшитые бело-красным пластиком, обшарпанные колченогие столики, разномастные убогие стулья, заплёванный грязный пол. Пожилой официант Григорич так однажды – по большому секрету – объяснил истинное значение гордого названия забегаловки:

– У нашего трактирчика – два хозяина. Один раньше трудился в уголовном розыске, в звании капитана, понятное дело. Второй же капитанствовал в армейском стройбате. Вышли оба в отставку, скинулись денежкой в равных долях, да и решили заделаться знаменитыми рестораторами...

В тот памятный вечер Пётр пришёл в «Капитаны» первым, приятели хронически запаздывали. Он приобрёл у барной стойке литровый бокал «Балтики», пакетик со скромными солёными сухариками и, усевшись на своё, года полтора как застолблённое место, лениво огляделся по сторонам. Знакомых поблизости не наблюдалось, поговорить на животрепещущие темы было не с кем. Из соседнего зала – для некурящих посетителей – долетали обрывки незнакомой, щемящей душу песенки:

Метель – метёт...
И в полуночной вязкой тишине,
Метель – поёт...
О той, что этой ночью снилась мне...

Пьер непроизвольно посмотрел в немытое окно: раздолбанная дорога, по которой проезжали редкие машины, типовой панельный дом, до которого было метров тридцать пять, очень большая плюшевая собака в окне второго этажа. Неправдоподобно большая и пушистая. «Молодцы, всё же, трудолюбивые китайцы!» – подумалось. – «Очень натурально научились делать мягкие игрушки...». Он ещё долго сидел за столиком: никуда не торопясь, пил пиво, вяло хрустел сухариками и задумчиво смотрел на плюшевого пса. Минут через пятнадцать-семнадцать собака плавно повернула голову, смешно мотнула правым пятнистым ухом и взглянула на Петра. По-доброму так взглянула, а потом словно бы подмигнула, сочувствуя и подбадривая. На душе сразу потеплело, все текущие проблемы стали казаться смешными, несерьёзными и надуманными. Теперь, когда на душе скребли приставучие кошки, он всегда приходил в «Два капитана», садился на своё законное место, неторопливо пил пиво и, хрустя сухариками, переговаривался глазами со «своей» собакой. Она всегда сидела на заветном подоконнике. Всегда – словно верный и дисциплинированный часовой, или же Ангел-хранитель, может, даже, Атлант, держащий на мохнатых плечах тяжёлое свинцовое небо...

Почти три с половиной месяца собака исправно и понимающе подмигивала ему, но, вот, наступил серый осенний вечер, когда в окошке напротив Пьер не увидел знакомого силуэта. Он просидел в пивном баре до самого закрытия, но так и не дождался появления заветного талисмана. И в следующую пятницу повторилась та же история, и на третью... Пётр, наконец-таки решившись, зашёл в тёмный подъезд, поднялся на второй этаж и, выбрав нужную дверь, оббитую потёртым светло-салатным дерматином, неуверенно нажал на кнопку звонка. – Кто там? –

спросил нежный девичий голос. – Извините, я из ветеринарной службы, – ответил он первое, что пришло в голову. Дверь открылась, на пороге стояла совсем ещё молоденькая девчушка в коротком стареньком халате, не скрывающим загорелых аппетитных коленок: светленькая такая, симпатичная, с задорно вздёрнутым вверх носом-кнопкой и парой сотен веснушек на милом личике, неожиданно-чёрнобровая, по её правой смуглой щеке змеился тоненький, чуть заметный шрам. А вот огромные, тёмно-синие глаза были очень печальными. Бесконечно и безысходно грустными... – Я уже самостоятельно похоронила Джека, ваша помощь не требуется, – холодно сообщила девчушка и недвусмысленно взялась за дверную ручку. – Подождите! – взмолился Петька. – Скажите, как вас зовут? – Ольгой, – дверь захлопнулась. На следующее утро Оля собиралась в институт, торопилась, боясь опоздать на первую лекцию. Настойчиво прозвенел дверной звонок, а на лестничной площадке послышался звонкий и весёлый лай. «Что это?», – сердце неудержимо рванулось куда-то вниз, а в голове неожиданно промелькнула мысль о вчерашнем странном и нелепом дяденьке средних лет. Девушка выбежала в коридор и, торопливо щёлкнув замком, широко распахнула входную дверь. На соломенной подстилке сидел неуклюжий щенок – месячный кавказец – и пристально смотрел ей в глаза, смешно подёргивая правым пятнистым ухом.

Через месяц Пётр и Оля поженились. Свадьба состоялась вчера, я почему-то там пошло напился. Сижу, вот, за компьютером и откровенно маюсь дурью. На мониторе сидит вредный сиамский кот по кличке Кукус, корчит мне уморительные рожицы и тихонько мурлычет, мол: – «Хозяин, совесть поимей! Пошли, сползаем на рыбалку, наловишь мне жирных и питательных ратанов!». Кукус нынче в нешуточном авторитете: в романах «Седое золото» и «Логово льва» я ввёл данного хитрющего кота в качестве второстепенного героя, там даже промысловая яхта названа в его честь. А сам Кукус принимает непосредственное участие в охоте на клыкастых моржей, и, даже, «жадно слизывает ещё дымящуюся тёплую кровь с голубоватого льда...». Самое смешное, что романы недавно издали, бывает...

Так что, кот имеет полное право – права качать. – Ладно, где там мои сапоги и удочки? – встаю из-за стола. – Кукус, бродяга, запрыгивай мне на плечо. Пошли за твоими жирными и невообразимо вкусными ратанами. Заодно, и пивка купим по дороге. Для меня, естественно...

Это, так сказать, основная предсвадебная версия – для родственников, гостей и праздных зевак. Надо признать, не лишённая элегантности и налёта здоровой романтики.

Но, на самом-то деле, всё было совсем по-другому, и этой весёлой свадьбе предшествовали куда как более сложные и невероятные события, причём, с лёгким детективным подтекстом.

Даже более сложные и запутанные, чем может показаться уважаемому читателю по прочтению первых четырёх-шести глав. Впрочем, и двадцатая глава не будет определяющей – для окончательного понимания произошедшего...

Глава первая

Плач в ночи

Вообще-то, Петя Бурмин являлся по жизни полным – во всех смыслах – лохом. Записным, хроническим и неисправимым неудачником. Тихим таким очкариком – мечтательным и недотёпистым. Безвольным, добрым и полностью бесперспективным чудаком – по меркам нашего сурового современного мира, не терпящего мягкотелых и наивных увальней, не могущих даже толком постоять за себя.

Действительно, кому нужен сорокалетний толстячок, вот уже почти двадцать лет работающий экономистом в «Водоканале»? Подчёркиваю, простым экономистом, даже не старшим. Однокомнатная малогабаритная квартира в спальном районе Москвы, уже окончательно и безысходно позабывшая, что оно такое есть – косметический ремонт. Копеечная зарплата, редкие смехотворные премии и упорное нежелание делать карьеру, объясняемое полной самодостаточностью и вопиющей бытовой непритязательностью. Дамы и барышни, время от времени появлявшиеся в Петькиной серой жизни, очень быстро понимали, что данный неуклюжий персонаж – «не добытчик», и навсегда, без грамма сожаления, покидали неухоженную «хрущёвку» – в поисках лучшей женской доли.

А еще у Петра Бурмина наличествовало весьма странное и подозрительное хобби – так называемая «историческая реконструкция».

Не все знают, что это такое? Ну, это когда сотни взрослых чудаков и чудачек собираются в каком-нибудь строго определённом месте и увлечённо играют в «живых солдатиков». Не очень понятно? Тогда обратимся к классическим формулировкам из толстой энциклопедии: – «Историческая реконструкция – это общественное движение, ставящее перед собой научные цели и использующее при этом – для более глубокого изучения исследуемого исторического периода – метод ролевой игры и научного эксперимента...».

В данном заушном толковании лишь две фразы являются ключевыми: – «исследуемый исторический период» и «ролевые игры». Да вы, наверное, и сами не раз видели на телевизионных экранах, как наши современники, выраженные в средневековые одежды, предварительно разделившись на две команды, изображают-воссоздают всякие известные сраженья и битвы. Аустерлиц, например, Ватерлоо, или легендарное Ледовое побоище.... Вспомнили? Тогда двигаемся дальше...

Последствия такого нестандартного увлечения-хобби постоянно и навязчиво давали о себе знать. Вся квартира Бурмина, включая антресоли в прихожей, застеклённый балкон и совмещённый санузел, была завалена и заставлена самым разнообразным хламом (старинным по форме и сути, но сугубо современного изготовления): двуручными и одноручными рыцарскими мечами, кольчугами, копьями, луками, арбалетами, мундирами – разных времён и стран, офицерскими шпагами, ружьями, пищалями...

Впрочем, у «исторической реконструкции» были и свои, насквозь положительные моменты, связанные с тем важным обстоятельством, что многие из этих «чудаков и чудачек» являлись людьми откровенно обеспеченными, чем Петька (в среде «реконструкторов» – сугубо Пьер) и пользовался. Смущался, конечно же, при этом, краснел, бледнел и заикался, но, тем не менее, пользовался. Ибо другого выхода, как не крути, не наблюдалось....

Во-первых, это касалось финансовых взносов на жизненные нужды каждой «реконструкции», включавшие в себя всякие арендные платежи, услуги сторонних гримёров, поваров и музыкантов, затраты на питание, то бишь, на дружеские весёлые пирушки-посиделки. Как же без весёлых пирушек можно обходиться, если в Прошлом так было заведено? Мол, повоевали от души, разбили в пух и прах коварного неприятеля, теперь это славное дело надо непременно

отметить – с удалью и должным размахом. С рыцарским там размахом, или с гусарским, что сути не меняет.... Дорогое это удовольствие – дружеские «реконструированные» пирушки – доложу я вам. Очень, даже, дорогое! Дикие кабанчики, лоси и косули, зажаренные на вертелах над бордово-фиолетовыми углями костров. Всякие заплесневелые сыры, копчёные угри и осетры, жареные зайцы и фазаны. Ну, и благородные алкогольные напитки – соответствующие конкретному «реконструируемому» времени.... Откуда, спрашивается, звонкие тугрики – у рядового экономиста «Водоканала», не сидящего на полновесных финансово-материальных потоках? Неоткуда, ясен пень.... Но богатые друзья-соратники всё понимали правильно и ненавязчиво освобождали беднягу Пьера от денежных поборов, для пущей важности назначив его Верховным Магистром Ордена «Р». Кто же с Великих Магистров – золото берёт? Это, благородные господа и дамы, уже откровенный моветон! Более того, не зазорно Магистру и с собой – по завершению очередной «реконструкции» – деликатесов и винишка дать-отсыпать, а то у него в холодильнике, наверняка, шаром покати...

Во-вторых, теперь у Петра не наблюдалось никаких проблем «с колёсами под задницей». Это в том смысле, что машины у него никогда не было, да и быть не могло, поэтому друзья-приятели – по строго установленному графику – возили Магистра Пьера туда-сюда, то бишь, к местам «реконструкций» и обратно – прямо к дверям парадной.

Петька щедро намазал физиономию – в нужных местах – специальным «театральным» клеем, отложил потрёпанную кисточку в сторону и, тяжело вздохнув, взял в руки пышные, слегка рыжеватые накладные усы-бакенбарды. Да-да, именно так – усы-бакенбарды – вы не ослышались! Достоверно известно, что в 1812-ом году русские гусары практиковали такую диковинку: пышные бакенбарды, спускаясь от висков, встречались – при помощи усов – друг с другом, образуя единое и неразделимое целое...

– Вот же, придумщики хреновы! – хмуро ворчал Пётр, внимательно всматриваясь в тёмные зеркальные глубины. – Попробуй-ка, расположи эту дурацкую конструкцию ровно, без всяких несимпатичных и несимметричных перекосов. И клей ещё – натуральная зверюга, ошибок не прощающая. Схватывается намертво за считанные секунды.... Да, та ещё образина получилась, страхолюдная и конкретная...

Впрочем, Пьер откровенно лицемерил и лукавил, так как собственное зеркальное отражение – в гусарском подполковничьем мундире – ему очень даже нравилось.

Доломан,¹ ментик,² узкие чикчиры,³ короткие ботики,⁴ украшенные чёрными шерстяными кисточками. Вокруг талии (вернее, того места, где у худых людей располагается талия), был обмотан кушак, представляющий собой сетку из шнуров. На голове красовался чёрный, обшитый кожей кивер,⁵ украшенный белым султаном и этишкетам.⁶ Доломан и чикчиры были щедро расшиты золотистыми шнурами и серебристой тесьмой. Ментик же был обшит густым, бело-серым бараньим мехом.

Да и физиономия Петра, украшенная пышными усами-бакенбардами, вызывала уважение и смотрелась очень даже солидно и мужественно, смутно напоминая образ легендарного Дениса Васильевича Давыдова с известной картины кисти художника О. Кипренского. Только полноватый такой получился Денис Давыдов, щекастый, не в меру отъевшийся на мирных хлебах, с волосатым покровом – на голове и физиономии – непривычно светлых и рыжеватых

¹ – Доломан – короткая (до талии) суконная однобортная куртка со стоячим воротником

² – Ментик – гусарская короткая куртка особого кроя, обшитая мехом, надевалась поверх доломана.

³ – Чикчиры – узкие рейтузы.

⁴ – Ботики – короткие кожаные сапоги.

⁵ – Кивер – гусарский, достаточно высокий головной убор.

⁶ – Этишкеты – специальные декоративные шнуры серебристого цвета.

колеров. Отметим, что буйные пего-льняные кудри на Петькиной голове были сугубо природными, доставшимися ему в наследство от достославных предков.

– Красавец писанный! – Пьер браво подмигнул своему отражению и с недоверием покопился на широкий серый гусарский плащ со стоячим воротником, висящий на спинке стула. – А, вот, эта тонкая тряпочка явно не годится по сегодняшней минусовой погоде. Придётся, видимо, поменять форменный плащик на старенький овчинный тулупчик. Ничего, сойдёт и так. Хорошо ещё, что финские термические кальсоны влезли под узкие чикчиры.... Что ещё? Придётся в глаза вставить линзы. Противно, конечно. Потом на веках и ресницах обязательно выскочит раздражение с нагноением. Но, гусарский подполковник, разгуливающий по полю боя в современных очках? Народ от смеха описается через одного...

Зазвонил-затрещал старенький мобильный телефон, лежащий на узком подоконнике.

– Да, слушаю! – важно оповестил Петька.

– Как, сонный поросёнок, готов? – поинтересовался мужественный голос Глеба Нефёдова. – Мы подъезжаем минут через пять-семь. Выходи на улицу, подполковник, не опаздывай!

Пётр торопливо, болезненно морщась, вставил в глаза оптические линзы, запихал за кушак седельный (незаряженный, понятное дело), пистолет, повесил на левый бок гусарскую саблю, перебросил через правое плечо короткий овчинный тулуп (больше похожий на куртку) и, прихватив тощую дорожную сумку, покинул квартиру, с силой захлопнув за собой входную дверь. Да, ещё он положил во внутренний кармашек доломана маленький пузырёк с нашатырным спиртом: наш герой был подвержен частым приступам головокружения, и именно нашатырный спирт действительно помогал ему от этой напасти. А в правый боковой карман ментика Петька пристроил допотопный карманный фонарик. Так, на всякий пожарный случай...

Честно говоря, все нормальные люди переодевались в соответствующие костюмы и наряды уже непосредственно на месте «реконструируемых» батальи и сражений. Причём, эти места располагались – в подавляющем большинстве случаев – на значительном отдалении от города. Но Пьер – в довесок ко всем прочим своим недостаткам – был патологически ленив и стеснителен. Таскать с собой – туда-сюда – громоздкие и тяжёлые баулы с вещами и обувью? Не смешите, право! Переодеваться при зрителях (в холодное время года в кустиках не спрячешься!), трясая жирными и неаппетитными телесами? Увольте!

– Ничего себе! Ну, дядя Петя, ты и даёшь! – восхищённо выдохнул веснушчатый сосед-подросток, встреченный на лестнице, и тут же жалостливо заныл: – А когда возьмёшь меня с собой на ваши воинские игрища? Ты же клятвенно обещал! Когда?

– В следующий раз, Санёк! – смущённо пообещал рядовой экономист московского «Водоканала» Петька Бурмин, он же – бравый гусарский подполковник. – Гадом буду! В следующий раз – обязательно...

На утренней улице было промозгло и холодно: температура опустилась ниже нуля, с неба сыпали-падали крохотные снежинки-пылинки, тут же разносимые порывистым ветром во все стороны.

– Нормальная осенняя погода, – тихонько пробормотал себе под нос Петька. – Середина октября месяца, как-никак. Было бы странно, если бы вокруг всё плавилось от жары, а из серых туч капал летний ленивый дождик....

На дворе, действительно, стоял октябрь. Причём, октябрь 2012-го года. То бишь, совсем недавно исполнилось ровно двести лет со дня легендарного Бородинского сражения. Знаковый и знаменательный юбилей – для настоящих исторических «реконструкторов». Как можно было пройти мимо этого наиважнейшего события? Ясен пень, что никак...

Однако, «реконструировать» Бородинское сражение уже не представлялось возможным – по целому комплексу уважительных и совершенно неуважительных причин. Во-первых, для этого не хватало народа, лошадей, пушек, ружей и всего прочего – даже для «реконструк-

ции» в масштабе один к пятистам. В смысле, даже для «реконструкции» отдельных значимых эпизодов знаменитой схватки. А, во-вторых, имело место быть обычное русское раздолбайство. Пока созванивались-списывались-договаривались, шестое сентября – дата Бородинской битвы – бесповоротно прошло. Поэтому коллегиально было принято следующее Соломоново решение: «реконструировать» сражение (откровенно второстепенное – с глобальной точки зрения) за русский городок Малоярославец, которое состоялось 24 октября 1812-го года. Ну, это когда Наполеон Бонапарт не смог пробиться к Калуге, и вынужден был начать отступление на Можайск и далее – на разорённую войной старую Смоленскую дорогу, где уставшую и оголодавшую французскую армию уже поджидали лихие русские партизаны...

Естественно, что не последнюю роль в этом выборе сыграл и тот немаловажный факт, что как раз под Малоярославцем (юго-восточнее на восемьдесят-девять километров) у Глеба Нефёдова – российского олигарха средней руки – было оформлено в собственность с десятков-другой гектаров полей, перелесков и маленьких рощиц. Ну, и приличный загородный дом – с многочисленными хозяйственными пристройками – наличествовал. Натуральное поместье, короче говоря, с двумя просторными конюшнями на двадцать лошадиных голов каждая...

Послышался характерный визг автомобильных покрышек, и у подъезда остановился мощный, светло-салатный японский джип-внедорожник. Синхронно приоткрылись передние дверцы машины, и наружу выбрались уже упомянутый Глеб Нефёдов и неизвестная Петру молодая девушка.

Глеб был видным тридцатипятилетним мужиком: высоким, широкоплечим, статным, с ухоженной чёрной бородкой. Он очень любил – во время исторических «реконструкций» – изображать из себя различных благородных средневековых рыцарей, желательно графов, баронов и маркизов. В этот же раз ему предстояло (главным образом, из-за упрямого нежелания расставаться со стильной чёрной бородой) выступать в роли безымянного казачьего есаула. В дорогу Нефёдов оделся, как и было принято у очень богатых людей с хорошим вкусом: бежевая канадская спортивная куртка, из-под которой высовывался воротник белого исландского свитера толстой вязки, угольно-чёрные вельветовые штаны, грубые горно-туристические ботинки на массивной подошве. Естественно, что всё это было насквозь фирменным и стоило столько, сколько рядовому экономисту – на государственной службе – не заработать и за полгода.

Спутница Глеба, наоборот, выглядела на удивление вульгарно и вызывающе. Тёмно-каштановые волосы с частыми фиолетовыми прядками, собранные в классический панк-гребень. На мертвенно-бледном лице размещался броский макияж: ядовито-розовая помада, синезелёные тени, неправдоподобно-мохнатые накладные ресницы, шикарные чёрные брови – не понять, то ли нарисованные, то ли настоящие. Одежда полностью соответствовала косметике: длинная – по точёную щиколотку – расстегнутая норковая шубка, выставяющая на всеобщее обозрение игриво-декольтированный топик, умопомрачительно-короткую чёрную мини-юбку и ярко-красные сапоги-ботфорты выше колен.

«Панкующаяся Джулия Робертс из известного голливудского фильма «Красотка», – мысленно вынес Пётр суровый вердикт. – «Та ещё штучка! Ходячие стервозные неприятности, сопровождаемые экстравагантными и запредельными капризами...».

– Знакомьтесь, дамы и господа! – предложил Глеб. – Это Пьер Бурмин, наш, так сказать, Великий Магистр. А это...

– Ольга! – хриплым фальцетом беспардонно перебила девица и, достав из позолочённого портсигара длинную тёмно-коричневую сигарету, манерно попросила: – Петруша, друг мой сердечный! Угости-ка симпатичную девушку спичкой! Чего столбом застыл-то? Зажигалку, говорю, дай! В моей «Зиппо», понимаешь, горючка закончилась...

– Извините, но я, собственно, некурящий, – смущённо промямлил Петя. – Простите...

– Бог простит! Если, конечно, посчитает нужным... А ещё обрядился гусарским подполковником, так тебя растак! Да, ну и мужики пошли! Все сплошь некурящие и малопьющие...

Ага, вот же он, спасительный ларёк! Там, надеюсь, продают зажигалки? Я и сама схожу, чего уж там! Вы, милые кавалеры, пока загружайтесь, болтайте, сплетничайте...

Дождавшись, когда экзальтированная барышня отойдёт подальше, Пётр поинтересовался у Нефёдова:

– Где ты подцепил эту райскую длинноногую пташку? Кто она такая? Яркая и типичная представительница столичной «золотой молодёжи»?

– Во-первых, ни «где», а «как», – флегматично уточнил приятель-олигарх. – По разгульной пьянке, стало быть, как и всегда.... А, вообще-то, Ольга очень даже ничего. И как женщина, и как человек. Добрая, умная, начитанная, в меру искренняя, страстная. Правда, немного взбалмошная и чуть-чуть капризная, не без этого.... Так ведь, она полка наполовину! И этим всё сказано: полячки – ужасно ветрены, мечтательны и легкомысленны. Что и подтверждают многочисленные классические романы. Например, «Пётр Первый», вышедший из-под пера знаменитого А. Н. Толстого.... Опять же, Ольга – круглая сирота с восемнадцати лет. Уже два с половиной года гребёт по жизни безо всякого взрослого присмотра. Дедушки и бабушки давно померли, всяких дядей и тётей не было изначально, папа с мамой-полькой успешно погибли в авиакатастрофе, оставив дочери вполне приличное наследство и шикарную четырёхкомнатную квартиру в центре Москвы, на шестнадцатом этаже.... Другая – на её месте – могла бы тут же стремительно заскользить вниз по наклонной плоскости и полностью съехать с катушек. Мужики, наркотики, религиозные секты, прочее.... А моя Ольга – девушка крайне целеустремлённая и на редкость разумная. Да, любит немного покутить, оторваться – до потери пульса – в подпольных казино, пошляться по ночным клубам.... Но, при этом, и учёбу не забросила! Учится на четвёртом курсе МГУ, факультет психологии. Причём, на одних пятёрки, английский и французский языки знает в совершенстве.... А что, старина, она тебе – совсем не приглянулась?

– Да не то, чтобы совсем...

– Пьер, зараза толстомясая и медлительная! Что ещё за дурацкая манера – мямлить и ходить вокруг да около? А? Изволь отвечать чётко и однозначно: что и как! Друзья мы, или где? Скажи ещё, что Ольга – некрасивая и страшненькая? Попробуй только, мерзавец! Голову оторву напрочь – вместе с дурацкими усами-бакенбардами...

– Симпатичная, конечно. Фигуристая, ногастая. Миленький нос-кнопка, задорно вздёрнутый вверх. Только, вот, глаза....

– Что – глаза? Ну, говори же, инквизитор средневековый!

– Глаза большие, очень выразительные, лазурно-синие.... Только холодные какие-то, будто бы заледеневшие на пятидесятиградусном арктическом морозе. И, при этом, чрезмерно самоуверенные. Твоя Ольга, судя по глазам, чётко знает – чего хочет получить от этой жизни.

– И только-то? – беззаботно хмыкнул Глеб. – Тоже мне, нашёл смертный грех! Все нормальные люди имеют перед собой – на долгие-долгие годы вперёд – чёткие жизненные цели-ориентиры. Вот ты, Пьер, чего хочешь? Я имею в виду – в глобальном смысле? Тупо молчишь и глупо лыбишься? Ну, да, конечно! Ты же у нас особенный, загадочный и, прости за дружескую прямоту, не совсем нормальный. То бишь, чрезмерно мечтательный и полностью оторванный от грубой жизненной прозы.... Ладно, заканчиваем глупый и бесполезный трёп, Оля уже возвращается. Ты сумку и полушубок сложи в багажник, да и саблю гусарскую отправь туда же, чтобы мне салон, часом, не испортить...

Дорога давалась нелегко и откровенно скучно: несмотря на утреннее время, Москва стояла в длиннющих автомобильных пробках. Хорошо ещё, что Ольга, действительно, оказалась девушкой общительной, разговорчивой и начитанной, могущей безостановочно – часами – трепаться практически на любые темы. За три с половиной часа, проведённых в пробках, Пётр узнал очень много интересного и познавательного о подробностях светской жизни в России

первой четверти девятнадцатого века: кто и с кем – из известных персон – состоял в близком родстве, как было принято ухаживать за знатными дамами, чтобы рассчитывать на сердечную взаимность, как часто полагалось делать визиты к соседям-помещикам...

– Кстати, о тогдашней русской знати, – увлечённо вешала Ольга. – Вы, некурящие мои спутники, знаете, что фамилии «Нефёдов» – практически княжеская? Не знаете? Теперь – знайте! Нефёдовы – одна из третьестепенных ветвей рода знаменитых князей Буйносовых, ведущих свою родословную от самого Рюрика. Правда, тупиковая ветвь. Последней её славный представитель погиб, вернее, пропал без вести в 1805-ом году, во время кровопролитного сражения при моравском Аустерлице. Угадайте, как звали этого «последнего» Нефёдова княжеских кровей? Конечно же, Глебом! И отчество у него было характерное – Сергеевич.... К чему бы этикие странные совпадения?

«Да, такая шустрая девица в 1812-ом году не растерялась бы!», – подумалось непонятно к чему. – «Конечно, если бы она попала туда. Например, с помощью Машины Времени...».

Наконец, они выбрались на четырехполосное пригородное шоссе, что, впрочем, на увеличение скорости передвижения почти не повлияло: неугомонный Юрий Михайлович Лужков продолжал – с маниакальной настойчивостью – окружать несчастную Москву бесчисленными кольцами из асфальта и железобетона.

Только к четырём часам пополудни наши путешественники подъехали к Наро-Фоминску, где и пообедали – всякой общепитовской разностью – в придорожном грузинском ресторанчике.

– Дрянь дело! – недовольно констатировал Нефёдов, вяло ковыряясь вилкой в горшочке с – якобы – чахохбили.

– И киндзмараули – совсем не киндзмараули! – поддержала его Ольга. – Пойло какое-то. То бишь, гадкий суррогат и бесстыжая подделка...

– Я, собственно, не про это, – поморщился Глеб. – Хотя, дорогая, ты полностью права: эту забегаловку стоило бы сжечь – вместе с неумелыми поварами и хамоватыми официантами – а пепелище заровнять бульдозерами и закатать под свежий асфальт – в три слоя.... Другое плохо: совсем скоро уже стемнеет, а после Малоярославца мы свернём на грунтовую просёлочную дорогу, где, естественно, никаких фонарей – вдоль дорожного полотна – не предусмотрено. Зато развилки и перекрёстков, не оснащённых табличками и указателями, имеется без счёта...

– Ты что же, братец, не знаешь дороги до собственного загородного поместья? – удивился Петька.

– Знаю, конечно. Но только теоретически. Ты думаешь, что я сам часто сажусь за руль? Зачем же тогда нужен опытный казённый водила с высокой зарплатой? Вот и на дачу («поместье» – слишком громко звучит и рядовому обывателю сильно режет ухо) я ездил сугубо на заднем сиденье, старательно изучая разные деловые бумаги.

– Можно позвонить по мобильной связи, чтобы кто-нибудь из обслуживающего персонала выехал нам навстречу, – разумно предложила Ольга.

– Вот, когда заблудимся (стук-стук-стук, тьфу, тьфу, тьфу!), тогда и свяжемся с помещком.

– Заплутали, мишки, заплутали! Заблудились – в паутинках улиц..., – в тему, голосом незабвенного Аркадия Северного, взвыл ресторанный магнитофон, изображая из себя греческую провидицу Кассандру...

Естественно, учитывая вредоносную пророческую песенку, постукивание по деревянному столу – в купе с тремя плевыми через левое плечо – не помогло: они, всё же, заблудились.

Где-то в районе полседьмого вечера, проехав мимо правых отвороток на Обнинск и Малоярославец, внедорожник свернули налево – на вполне даже приличную грунтовую дорогу.

– Абсолютно ничего страшного! – авторитетно заверила Ольга, небрежно поправляя каштаново-фиолетовый панк-гребень на своей голове. – За неполный час преодолеем требуемые восемьдесят пять километров. Ништяк!

– Не получится – за час, – скептически отозвался Нефёдов. – С каждым поворотом-развилкой дорога будет становиться всё хуже и хуже. Последние три-четыре километра будем преодолевать со скоростью беременной черепахи, то есть, километров двадцать-тридцать в час, не больше...

Поворот, второй, третий, тупик. Вернее, глубокая и широкая траншея, строго перпендикулярно пересекающая дорогу.

– Что это за хрень? – по-деловому поинтересовалась Ольга, напряжённо вглядываясь через лобовое стекло в высокий земляной откос, освящённый мощными автомобильными фарами. – С войны, что ли, осталась? Не, земелька-то свежая...

– Конечно же, свежая! Свежее не бывает, – огорчённо подтвердил Глеб. – Прокладывают новую ветку регионального газопровода. Государственная комплексная программа – «Природный газ – в каждый российский дом» – в действии, мать её...

– Будем возвращаться?

– Обязательно!

Они – с грехом пополам – развернулись, слегка задев правым автомобильным боком ствол толстой сосны, вернулись до ближайшего перекрёстка и поехали дальше. С неба полетели редкие снежные хлопья. Поворот, другой, третий, новая канава...

– Вот же, усердные землекопы выискались на наши головы! – гневно возмутился Нефёдов, раздражённо хлопая ладонями по рулю. – Везде перекопали, так их всех, торопыг газовых! Как же иначе? Русская старинная традиция такая – гадить везде и всюду, по поводу и без оного....

– Не горячись ты так, Глебушка, – елеинным голоском попросила Ольга. – Это та же самая канава. Просто её противоположный берег, образно выражаясь... Видишь, на той стороне растёт толстая сосна, которая раздваивается примерно на трёхметровой высоте?

– Ну, вижу. Что дальше?

– Ну – баранки ярмарочные гну! У неё бок слегка ободран. Видишь? Это мы – минут пятнадцать-двадцать назад – и поцарапали. Кстати, снегопад-то усиливается, поднимается ветер. Метели нам только и не хватает – для полного и бесконечного счастья...

– А ведь мы, ребяташки, заплутали. В том плане, что заблудились, – грустно подытожил Пётр. – Помощь, однако, надо звать. А эта канава для газопровода – ориентир. Наверняка, все местные жители знают про неё. Не могут не знать. Звони-ка, брат Нефёдов, в собственное поместье. Пусть приезжают и выручают.

– Звони, Глебушка, звони! – поддержала Ольга. – Отринь свою барскую гордость, кликни презренных и подлых холопов на помощь-выручку...

Глеб, тяжело вздохнув, достал из кармана канадской куртки мобильник, усердно понажимал пальцем на кнопки, поднёс трубку к уху, снова – потыкал, опять – поднёс...

– Нет сигнала, – удивлённо сообщил Нефёдов через пару-тройку минут. – Вообще никуда не дозвониться.... Такого, просто напросто, не может быть! Но, есть. Ничего не понимаю! Ладно, будем пробовать выйти на связь с ваших телефонов. Пьер, дай-ка твой затрапезный аппарат!

Но и старенькая трубка Петра, и навороченный ультрамодный мобильник Ольги, щедро украшенный крупными стразами, также молчали – словно бы умерли навсегда: на какие кнопки не нажимай – в ответ – только вязкая тишина...

– Похоже, что мы влипли, господа гусары! – объявила девушка, прикуривая сигарету и опуская до половины боковую форточку-окошко. – Причём, очень качественно и серьёзно. Ночь приближается, начинается метель.... А это ещё что такое? Слышите?

Сквозь приоткрытое автомобильное окно явственно долетал тоненький и бесконечно-жалобный вой-плач...

Глава вторая

Красная палатка

Странные звуки неуклонно множились, распадаясь на отдельные, очень жалостливые и тоскливые ноты.

– Плачет маленький ребёнок? Или мне только так кажется? А, ребёночек? Может, он заблудился в ночной темноте, как и мы? – обеспокоенно предположила Ольга. – Тогда надо обязательно помочь...

Плач неожиданно затих, сменившись противным и трескучим скрипом, ассоциирующимся со звуками, возникающими при размалывании пшеничных зёрен каменными жерновами старинной мельницы.

– Какой ещё ребёнок? – засомневался Нефёдов. – Хрень какая-то, прости Господи.... Ноги, похоже, надо уносить! Причём, в срочном порядке. А, Пьер, господин Великий Магистр?

Петька, сидящий на заднем сиденье автомобиля, только неопределённо замычал и согласно закивал головой, испуганно всматриваясь в ночную темноту, с трёх сторон плотно окружавшую внедорожник и только слегка разбавленную тусклым светом идеально-круглой Луны, робко выглядывающей сквозь редкие прорехи в серых плотных тучах.

– Мужчины, мать вашу! Трусливые, двуличные и подлые создания! – от души возмутилась Ольга и, вытащив из правого кармана норковой шубки маленький чёрный пистолет, а из другого – карманный фонарик, распахнула настежь автомобильную дверь. – Вы, родные мои, как хотите. Сидите себе в тепле и покое, наслаждайтесь благодатными мироощущениями. Типа – ваш бытовой жизненный выбор, ничего личного.... А я, пожалуй, прогуляюсь немного по округе. Осмотрюсь. Вдруг, действительно, маленький ребёнок? Дождитесь меня, герои срачные, «реконструкторы» хреновы...

Девушка, ловко выбравшись из джипа, резко захлопнула дверцу: через несколько секунд с правой стороны (с той, откуда и долетали непонятные звуки) замелькал-задёргался светло-жёлтый любопытный луч.

– У тебя же, Глеб, наверняка, тоже имеется при себе пистолет? – неожиданно для себя – деловым и холодным голосом – поинтересовался Пётр. – А у меня есть карманный фонарик. Чего тогда сидим? Кого, спрашивается, ждём? Пойдём, тоже чуток прошвырнёмся, разомнём затёкшие икроножные мышцы. Типа – на оздоровительный променад, подышать свежим осенним воздухом. Ты только сперва багажник открой, я достану свой полушубок, да и сабельку острую – для пушего порядка – подвешу на бок.

Минуты через две-три они догнали Ольгу (чья норковая шубка на этот раз была застёгнута на все пуговицы – кроме двух нижних, затрудняющих ходьбу), насторожённо замершую на склоне пологого холма. Что было полностью понятно и оправданно, ибо перечень неизвестных звуков неуклонно и настойчиво расширялся: противный скрип сменялся ржавым скрежетом, скрежет – хриплым и откровенно-похотливым повизгиванием, повизгивание – жалобным воем-плачем, ну, и так далее, строго по кругу. Единственное, что было постоянным и неизблемым, так это негромкое и какое-то однозначно-уютное потрескивание...

– Ночной шабаш всяческой гадкой лесной нечисти? – раздумчиво предположил Нефёдов, всегда отличавшийся склонностью к стройным логическим построениям. – Сами посудите: зимняя вершина отдельно-стоящего холма, полнолуние, сильный снегопад, неуклонно приближается глухая полночь.... А?

– Ведьмы и прочие потусторонние сумрачные существа очень не любят открытого огня,⁷ – возразил неожиданно осмелевший Петька и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, ткнул пальцем в вертикальную скалу, прорезавшую соседний холм. – А без жаркого пламени тут, явно, не обошлось...

Гладкая вертикальная поверхность гранитной скалы покрылась, благодаря совсем недавно пришедшим холодам, тоненькой ледяной коркой-экраном, на которой едва заметно приплясывали крохотные, нежно-алые всполохи-огоньки.

– Ага, так там горит самый обыкновенный походный костёр! – поняливо отреагировала Ольга. – Следовательно, всяческая тёмная потусторонняя нечисть на сегодня отменяется.... Ну, мои храбрые и доблестные рыцари, пошли на разведку? Посмотрим, что к чему? – демонстративно громко щёлкнула пистолетным предохранителем.

Вскоре, благо толщина снежного покрова не превышала двух-трёх сантиметров, они выбрались на обширную поляну-пропешину, расположившуюся на вершине холма.

Посередине поляны – на самой вершине – бодро горел яркий трескучий костёр, метрах в десяти-двенадцати от которого была установлена просторная, красно-бурая армейская палатка, из которой и исходили – практически безостановочно – странные и тревожные звуки.

– У меня в кармане лежит дельная газовая граната израильского производства, – хищным шёпотом сообщила Ольга. – Причём, с качественно-усыпляющим газом. Предлагаю следующее: кто-то из вас двоих тихонько пробирается-подползает к палатке и, предварительно оторвав крохотное колечко, бросает гранату внутрь.... Как вам такой нехитрый план, господа хорошие? Не, если вам слабо, то так сразу и скажите. Я тогда норковую шубку сброшу на свежий снежок и сама всё сделаю – в лучшем виде и без особых колебаний...

– Кровожадная ты у меня какая-то, – по-доброму усмехнулся Нефёдов. – Наверное, э-э-э...

– Амазонка – в глубине души. Воинственная, отважная, решительная и непреклонная.

– Во-во.... Впрочем – на мой вкус – это просто замечательно. Но, вдруг, в палатке действительно находится маленький и беззащитный ребёнок? Может такое быть? То-то же.... А как на маленьких детей действует твой качественно-усыпляющий газ? Возможны ли побочные эффекты, негативно влияющие на хрупкий детский организм, а? Не думала про такой немаловажный аспект? Тоже мне, амазонка решительная...

– Не думала, каюсь.... Особенно про то, что ты, милый, можешь быть таким трепетным и нежным. А всё претворялся – сухарём насквозь деловым и чёрствым.... Глебушка, хочешь, я тебе рожу ребёночка? Маленького такого, славного? Ты только скажи.... Иди сюда, обормот холодный и бесчувственный. Поцелуй – даму своего олигархического сердца, обросшего плесенью неистребимой жадности...

Через некоторое время, когда уже стало невозможно слышать все эти чмокающие звуки и тихие стоны, Пётр призвал (шёпотом, понятное дело) соратников к элементарному порядку:

– Совсем сошли с ума, морды влюблённые? Забыли уже – на сладкой и чувственной волне – что мы попали в неприятный пиковый расклад? Прямо тут, похоже, задумали строгать милого и славного ребёночка? Под ракитовым заснеженным кустиком? Отбой, братья и сёстры! Срочный и однозначный отбой...

Немного отдышавшись, Ольга первой вернулась в объективную реальность, демонстрируя при этом завидное упорство и потрясающую настойчивость:

– Что-то я ничего не поняла.... Так мы будем бросать газовую усыпляющую гранату, или как? Есть другие реальные и дельные предложения? Тогда озвучьте их, господа, не томите...

⁷ – Согласно литовским и латышским легендам, ведьмы устраивали свои шабаши сугубо вокруг «холодных» костров, представляющих собой высокие конусы, собранные из светящихся в темноте гнилушек.

– Сейчас и озвучим, – заверил Петька. – Только вы уж это.... Верните, пожалуйста, пистолетные предохранители в «мирное» положение. Сугубо, чтобы сгоряча не наделать легкомысленных и непоправимых глупостей. Готовы? – выждав с полминуты, рявкнул во всю мощь лёгких: – Первый взвод обходит палатку неприятеля справа! Второй – слева! Снайперам занять позиции! Стрелять – только по моей команде! Объявляется минута ожидания! Время пошло! Повторяю, стрелять только по моей команде! Так вас всех растак, спецназовцев вшивых! На гауптвахте, гнид обнаглевших, сгною...

Тут же стихли все повизгивания, стоны, скрипы и скрежеты, словно бы кто-то дисциплинированно и испуганно нажал на ярко-красную кнопку с доходчивой белой надписью – «Стоп» – над ней.

– А, что дальше? – скептически спросил-прошептал Нефёдов. – Кстати, Пьер, морда штатская, ты ведь, как мне помнится, в армии никогда не служил? Типа – по причине наличия «белого билета»? Откуда же тогда взялся этот образцово-показательный командный голос? Да ещё вкупе с откровенно-наглым апломбом?

– Я книжки нужные и правильные читал в розовой юности. Много и обстоятельно. Александра Александровича Бушкова, в частности, – непринуждённо и доходчиво объяснил Петька, понимая, что – по абсолютно неизвестной причине – наглеет прямо на глазах. – Что делать дальше? Пойдём по простейшему, то есть, по классическому варианту, – откашлявшись, гаркнул – максимально солидно и грозно: – Сдавайтесь, поганые террористы! Вы полностью окружены! Бросайте всё огнестрельное и холодное оружие на снег и выходите по одному! Обещаю всем сохранить жизнь! Ровно через две с половиной минуты отдаю приказ – открыть огонь на поражение! Время пошло! – подумав две-три секунды, добавил уже от души, без малейших следов здоровой логики: – Первым выходит горбатый! Я сказал – гор-р-р-батый!

Сдавленный идиотический смех – был первой реакцией на этот однозначно серьёзный и строгий приказ: это легкомысленная Ольга, неловко прислонившись своим каштаново-фиолетовых гребнем волос к стволу толстой осины, ещё частично сохранившей осеннюю багрово-красную листву, безуспешно пыталась прикрыть обеими ладошками отчаянно смеющийся рот.

– Прекращай, родная, прекращай, – растерянno и беспомощно шипел Нефёдов, ласково и бережно обнимая «норковые» плечи зазнобы. – Ну, пожалуйста, прошу.... Что ты, право, как маленькая?

– Отстань, Глебушка, отстань, – вяло и неумело отбрыкивалась девушка кроваво-красными ботфортами. – Это же надо.... Ну, Пьер, он же – Великий Магистр! Таким шутникам самое место – в «Кривом зеркале»⁸ Петросяна-кривляки. Там все такие, беспросветные и несообразительные...

В этот момент входной полог красно-бурой (красной – в частых бурых пятнышках) палатки неуверенно задрожал, задёргался, затем разошёлся в разные стороны и на белый свет (в неширокий круг, образованный отблесками пламени костра) появился – с поднятыми вверх руками – сутулый и неприметный субъект-очкарик. Возрастом слегка за пятьдесят, в замызганном старом ватнике, в неуклюжих кирзовых армейских сапогах, с седой козлиной бородкой клинышком.

– Не стреляйте, господа милиционеры! – жалобно, тоненьким дрожащим голосом попросил очкарик. – Или же – господа военные? Я всего лишь мирный уфолог,⁹ не более того. Пожалуйста, не стреляйте.... Эй, уважаемые господа, где же вы? Отзовитесь! Ау!

⁸ – «Кривое зеркало» – псевдо-юмористическая программа Евгения Вагановича Петросяна – на телевизионном канале «Россия-1».

⁹ – Уфология – изучение обстоятельств появления НЛО (неопознанных летающих объектов) и явлений, сопровождающих эти появления. В более широком смысле – изучение всех необычных явлений и объектов.

– Выходим и дружно канаем под славных представителей отечественных спецслужб, – решил Пётр. – Благо, и внешний вид у нас соответствующий. В том смысле, что необычный и донельзя загадочный. Бравый гусарский подполковник, отвязанная представительница «золотой молодёжи» и типичный матёрый олигарх на отдыхе.... Та ещё компашка! Вы, драгоценные мои, пистолетики-то держите на виду – для полной достоверности картины. И говорить предлагаю – для пущей запутки – по-разному. Мы с Олей – как природные плебеи – будем пошло «тыкать» и слегка хамить, а некоторые носители благородных княжеских фамилий могут и вежливость аристократическую изобразить, не убудет, чай, от них...

Появление яркой троицы произвело на непрезентабельного дядечку в ватнике неизгладимое впечатление: от неожиданности он безвольно опустился на толстый берёзовый чурбак, стоящий на попа рядом с костром, и принялся отчаянно икать.

– Снежку глотни, болезный, – добросердечно посоветовал Петька. – Глотнул? Прощла икота? Можешь отвечать? Да ты сиди, сиди.... В том смысле, что пока, до отдельной команды.... Итак. Как зовут? Что здесь делаешь? Почему? Зачем? Давай, докладывай. Развёрнуто и доходчиво. Я жду. Когда ждать надоест, то достану сабельку из ножен и порежу тебя, гниду уфологическую, на тоненькие лоскутья...

– Гафт Иван Павлович, 1960-го года рождения, – старательно зачастил козлобородый. – Физик, кандидат наук, профессор новосибирского Университета. Правда, в далёком прошлом, скрытым за призрачной дымкой.... В настоящее время являюсь уфологом, Почётным председателем научного общества «Магнетизм и Вселенная». Здесь наблюдаю – в плановом порядке – за сезонной магнитной аномалией, раз в тридцать лет характерной для этой местности. Снимаю показания приборов и датчиков, старательно фиксирую их в специальном журнале....

– В журнале, понимаешь, – задумчиво протянула Ольга, демонстративно перебрасывая пистолет из одной ладони в другую и обратно – В очень толстом и потрёпанном, наверное? А где находится этот специальный, и, надо думать, заветный журнал?

– В палатке, мадмуазель.

– А палатка?

– Простите? Вот же она...

– Я не об этом. Где – на географической местности – располагается твоя красная палатка? Рядом с какими – конкретно – населёнными пунктами? А приличная карта, господин профессор, имеется у тебя?

– Конечно, конечно! Имеется! – смешно засуетился Гафт, поднимаясь на ноги. – В палатке, на столике. Пойдёмте, товарищи, я вам всё покажу! Там у меня керосиновая лампа горит, поэтому светло. Только вот...

– Только вот – что?

– Тесновато там, мы все не поместимся.

– Ничего страшного, старина, – вмешался в разговор рассудительный и вежливый (согласно отведённой ему роли) Нефёдов. – Входной полог палатки откинем по сторонам, вот, всё и увидим-рассмотрим. Ну, пошли, что ли? – зевнул демонстративно лениво и равнодушно. – Чем быстрее утрясём дела текущие, тем быстрее тебя оставим в покое. Занимайся – сколько хочешь – приборами и датчиками, заполняй свой толстый и заветный журнал...

Всё внутреннее пространство палатки, площадь которой составляла порядка двадцати пяти метров квадратных, было заставлено – в два ряда – длинными самодельными стеллажами с самыми разнообразными приборами и приборчиками. Часть оборудования, явно, была выключена. Остальные же приборы приветливо и ласково подмигивали жёлтыми, красными и зелёными лампочками. В дальнем торце палатки – между рядами стеллажей – виднелся раскладной столик с ярко светящей керосиновой лампой.

– Вон там лежит подробная карта, – махнул козлобородый уфолог рукой в направлении стола. – Я сейчас принесу! Сейчас...

– Подожди, дорогой! – властным жестом остановил бывшего профессора Пётр. – Успеешь ещё. А как ты всё это барахло, – небрежно описал рукой широкий полукруг, – затащил на вершину холма? Только не говори, пожалуйста, что в одиночку.

– Нет, конечно же! Мои коллеги и ученики почти трое суток занимались установкой данного наблюдательного пункта. Потом, примерно через две с половиной недели, они снова подъедут на трёх «Газелях» и помогут мне с демонтажом и транспортировкой оборудования на стационарную базу, то есть, в город Москву.

– Подозрительно всё это, Иван Павлович, – Ольга недоверчиво покачала каштаново-фиолетовым гребнем. – Ох, подозрительно!

– Что именно, милая мадмуазель?

– Ну, как же! Коллеги и ученики оказали тебе действенную и эффективную помощь, а потом, когда заработало хитрое оборудование, уехали.... Они, что же, совсем-совсем нелюбопытные? Опять же, за таким количеством приборов одному наблюдать совершенно несподручно. Верно ведь? Итак, ставлю вопрос ребром. Почему ты, морда очкастая, здесь обретаешься в полном одиночестве?

– Потому, что находиться в этом месте – в период сильных природных магнитных аномалий – очень опасно. Зачем, спрашивается, неоправданно рисковать молодыми жизнями? Я же одинок, ни жены, ни детей, ни прочих родственников. Если и случится что-нибудь, э-э-э, неприятное, то никто толком и не расстроится...

– Загадками говорите, уважаемый уфолог! – начал сердиться Нефёдов. – Что опасного в этой прекрасной местности? Отличная экология, чистейший воздух, до Москвы – рукой подать. Вернее, будет – подать рукой, когда упрямый Лужков и его отвязанная компания завершат эту бесконечную эпопею с дорожными кольцами.... В чём же конкретно заключается смертельная опасность, о которой идёт речь?

– А то вы сами не в курсе, господа «фээсбэшники»? – неожиданно улыбнулся Гафт, многозначительно косясь на гусарский мундир Петра. – Ведь, определённо, что-то знаете...

– Что мы знаем, старик, это совершенно не твоё дело! – жёстко и непреклонно отрезала Ольга, для пущей важности щёлкнув пару раз пистолетным предохранителем. – Отвечай на заданные вопросы! Чётко и правдиво, не виляя из стороны в сторону. Пока не загремет в следственный изолятор – со всеми вытекающими неприятными последствиями...

Очкастый чудак-уфолог как-то сразу поскукнел, сморщился, словно сдувшийся воздушный шарик, и бесцветно-механическим голосом принялся излагать – обычно так профессора, пребывающие в состоянии сильнейшего утреннего похмелья, читают на первой паре лекции сонным студентам, пребывающим в аналогичном состоянии:

– Общеизвестно, что наша прекрасная планета окружена, если так можно выразиться, существенными магнитными полями. А отдельные поля, естественно, сливаются в Единое магнитное поле. Ну, как районы сливаются в области и провинции, а те, в свою очередь, в целые страны и континенты.... Итак, существует Единое магнитное поле нашей многострадальной старушки-Земли. У этого поля имеется стационарная ось, вокруг которой постоянно мигрируют-перемещаются отдельные магнитные районы и области. Но, время от времени, с чётко прослеживаемой периодичностью, от основной оси «высовываются» – на короткие временные промежутки – боковые второстепенные оси-отростки. Что, естественно, вызывает вихревые нестабильности магнитных полей-районов и полей-областей. А нестабильности, в свою очередь, планомерно наслаиваясь друг на друга, вызывают всякие, э-э-э, аномальные явления...

– Докладчик! А можно покороче? – Глеб, с барственными нотками в голосе, прервал профессорскую лекцию. – Изложите, милейшей, самую суть этих, так называемых аномальных явлений.

– Покороче? Самую суть? Пожалуйста.... В момент наложения друг на друга нестабильностей крупных магнитных полей – могут происходить локальные пробой во Времени. То есть, в этот момент Временные потоки очень тесно переплетаются между собой, и – теоретически – обитатели одного Времени, случайно оказавшиеся на месте выхода на земную поверхность второстепенной магнитной оси, могут ненароком оказаться в другом. И, соответственно, наоборот...

– Извини, конечно, Палыч, – решил полюбопытствовать Петька. – Но, насколько мне известно, уфологи занимаются отслеживанием различных НЛО и изучением всего – так или иначе – напрямую связанного с этими объектами. Причём же здесь какие-то непонятные пробои во Времени? Это, между нами говоря, уже совсем другая епархия. Не так ли?

– Так ли, не так ли...., – обиженно и расстроено нахохлился Гафт. – Кто точно знает? Кто, вообще, может объективно и достоверно ответить на данный, заведомо неразрешимый вопрос? На мой скромный взгляд, это, как раз, одна и та же епархия.... НЛО – космические корабли внеземных цивилизаций? Полноте! Это, мой молодой друг, всего лишь одна из многочисленных версий, не более того.... А если все эти «летающие тарелки» – совсем и не НЛО? Может, наоборот, АПВ? То есть, Аппараты Перемещений во Времени? Никогда не думали о таком неординарном варианте? А, напрасно...

– Летающие Машины Времени? – заинтересованно уточнила Ольга.

– Зачем же всё так упрощать и утрировать, тем самым демонстрируя косность собственного мышления? Машина Времени – это целый комплекс сложнейшего оборудования. Естественно, что существует – где-то в ужасно далёком Будущем – ЦУПВ. То бишь, Центр Управления Перемещениями во Времени. Иначе говоря, нечто условно и грубо напоминающее нынешние ЦУПы (Центры Управления Полётами космического назначения). А дискообразные серебристые предметы, которые мы привыкли называть «летающими тарелками», это и есть АПВ. То есть, пилотируемые аппараты (прямой аналог американских «Шатлов»), перемещающие любопытных исследователей и учёных в иные Времена...

– Значит – здесь и сейчас – ожидается массовое появления НЛО? То есть, извините, АПВ?

– О, эти современные студенты! – Иван Павлович картинно обхватил голову ладонями. – Нельзя же всё смешивать в одну кучу! Всем троим серым посредственностям ставлю жирные «неуды»! Стыдитесь! Пересдача экзаменов – по весне.... Простите, господа, ради Бога! Увлёкся немного, вот, и понесло. Сейчас исправлюсь и дам все необходимые пояснения.... Итак, в нашем многоликом мире многие серьёзные процессы происходят как вследствие естественных причин, так и причин искусственных. Например, землетрясение может быть обусловлено тектоническими природными разломами земной коры, а может быть спровоцировано и подземными испытаниями ядерного оружия.... Или, вот, обыкновенный дождик. Он может идти и из естественных туч, а может капать и из облаков, появившихся путём искусственного выброса в атмосферу определённых реагентов, обогащённых серебром и другими металлами.... Понятно излагаю? Следовательно, АПВ – это искусственное перемещение по Временному пространству, осуществляемое при помощи специальных аппаратов, приспособлений и технологий, созданных человеческой цивилизацией. Переплетение же Временных потоков при сильнейших магнитных аномалиях – процесс сугубо естественный, природный.... Что вас ещё интересует? Странные звуки: жалобный плач, сексуальное повизгивание и загадочный скрежет? Это я просто проверял, как работает новая, слегка усовершенствованная система приманивая...

– Приманивания – кого? – скучающим тоном уточнил приземлённый и недоверчивый Нефёдов, которому, явно, уже наскучил весь этот околonaучный бред.

– «Гостей» из других Времени, естественно. Как доказано многочисленными научными исследованиями, данная звуковая какофония возбуждает у человеческих индивидуумов жгу-

чее любопытство... Зачем усмехаться так недоверчиво и ехидно? Вы же сами подошли к моей палатке именно на эти звуки! Разве нет? Зачем же отрицать очевидные факты? Кстати, смотрю, вы слегка замёрзли? У милой барышни даже чуть-чуть покраснел её милый носик... Не желаете ли немного согреться? В смысле, чуть-чуть усугубить местным деревенским самогоном? Очень рекомендую и настоятельно советую! Весьма достойная вещица... Весьма!

– Деревенский самогон? – тут же заинтересовалась Ольга. – Тащи, старик! Я страсть, как люблю дегустировать и пробовать всякие экзотические алкогольные напитки.

– Тогда давайте и географическую карту заодно изучим, – предложил разумный Глеб, демонстрируя недюжинную деловую хватку. – Чтобы время не терять понапрасну...

Бывший профессор и Пётр перетащили раскладной столик – вместе с горящей керосиновой лампой, кипой бумаг и пухлым потёртым портфельчиком – к выходу из палатки. Иван Павлович раскрыл портфель и, с минуту покопавшись в его внутренностях, выставил на столешницу литровую бутылку, на две трети заполненную мутно-желтоватой жидкостью, выложил древний перочинный ножик, стопку прозрачных пластиковых стаканчиков, половинку буханки чёрного хлеба и кусок нежно-розового сала, обёрнутый клетчатым носовым платком.

– О, какой шарман! – радостно захлопав в ладоши, искренне восхитилась Ольга. – Глебушка, Петруша, бездельники записные! Помогите симпатичному дедушке налить-нарезать! Не ленитесь...

Через три-четыре минуты заслуженный уфолог, приподняв пластиковый стаканчик с самогоном в приветственном жесте, торжественно провозгласил заковыристый тост:

– Ну, за предстоящую метель! Пусть она будет по-настоящему добра, и принесёт – нам всем – удачу! Каждому – свою...

Глава третья

Авария

Самогонка была крепкой и ядрёной, градусов так пятьдесят-шестьдесят, но, при этом, на удивление мягкой и ароматной. Пётр с удовольствием выпил содержимое стаканчика до дна, ощущая, как вдоль позвоночника побежала тёплая и ласковая волна, а в голове – в области темечка – застучали весёлые хмельные молоточки.

«Эге, похоже, что этот хитрый профессорский напиток – мгновенного действия!», – пробежала в голове тревожная мысль. – «Не стоит, право, злоупотреблять...».

– Божественно! – сдавленно выдохнула Ольга. – Глебушка, передай-ка мне бутерброд. Тот, который самый большой... О, какое вкусное сало! Нежное, в толстых мясных прожилках. Божественно, просто объедение! Тысячу лет уже не пробовала ничего подобного! Это вам не псевдо-грузинская белиберда из гнилой придорожной забегаловки... Может, сразу накачим – вдгонку – ещё по одной? В том плане, чтобы время не терять понапрасну, как любит выражаться мой олигархический женишок...

– Не стоит, милая мадмуазель. Не стоит, – смущённо забормotal Иван Фёдорович. – Только не подумайте, ради Бога, что мне жалко самогона. Совсем нет! Просто, уже совсем скоро начнётся...

– Что, собственно, начнётся? – пьяненько нахмурился Нефёдов. – Опять темнеть изволим, сударь учёный? И почему, милейший, вы приняли нас за коварных и жестоких «фээсбэшников», а не за добрейших «гостей» из иных Времён? Появления которых вы, собственно, и ожидаете, а? Особенно, учитывая гусарский мундир моего приятеля Пьера? Извольте отвечать, милостивый государь!

– Приборы, – неопределённо махнув рукой, кратко ответил уфолог.

– Что – приборы?

– Умные приборы чётко показывают, что до начала аномальных изменений здешнего магнитного поля остаётся ещё несколько полновесных часов. Кроме того, согласитесь, что настоящие гусары не могут кричать: – «Снайперам занять позиции! Сдавайтесь, поганые террористы! Первым выходит горбатый! Я сказал – гор-р-р-батый...».

– Да, с горбатыми террористами и снайперами вы, профессор, пожалуй, полностью правы, – Глеб досадливо передёрнул плечами и слегка пошатнулся. – А, вот, этот тост про метель, приносящую удачу... Он что, собственно, означает? Нет ли здесь, э-э-э, некоего скрытого смысла? То есть, высокопарно выражаясь, двойного или, даже, тройного дна?

– Он означает только то, что зимние магнитные аномалии всегда сопровождаются сильнейшими снегопадами и метелями. Летние же, как нетрудно догадаться, проливными ливнями со страшными грозами и крупным градом... Сейчас вокруг гуляет всего лишь лёгкая и несерьёзная позёмка. А уже через час-другой здесь такое начнётся... Мама не горюй! Поэтому я и говорю, что вам, господа мои, больше не стоит употреблять алкоголя. Пьяному замёрзнуть в серьёзную метель – раз плюнуть. Не успеешь и заметить, как уснёшь навсегда. Тем более что во время магнитных катаклизмов среднестатистический человеческий организм (разум, психика?) пьянеет гораздо «охотнее», так сказать...

– Академик прав на все сто пятьдесят процентов! – совершенно неожиданно проявила благоразумие Ольга. – Пора подумать и о надёжном ночлеге. Ну, где у нас обещанная карта? Подать её сюда!

Карта оказалась очень подробной, масштабом – в одном сантиметре – два километра.

– Итак, бесстрашные мои путешественники! Смотрите внимательно! – важно вещал заметно повеселевший Иван Павлович, усердно водя по карте грязным указательным паль-

цем. – Итак, Московское шоссе. От него отходит ваша просёлочная грунтовая дорога. Вот – две линии будущего газопровода. Здесь и здесь – тоже всё перекопано напроочь. Мы сейчас находимся в данной точке, в пятистах метрах от крохотного Лесного озера. Ну, куда вам надо попасть? Говорите! Если, конечно, это не является страшной государственной тайной...

– Нам надо в Ненарадово, – длинно икнув, сообщил Глеб, – Извините...

– В Ненарадово? – не наигранно удивился уфолог. – Там же сейчас располагается поместье какого-то отечественного буржуя-кровопийцы! Арестовывать, наверно, будете? И поделом ему, уроду бесстыжему! Обнаглели все эти олигархи, депутаты всех созывов и прочие чиновники – просто беспредельно! Обнаглели, зажирели, заматерели.... Впрочем, молчу, молчу, молчу. Не моё это дело.... Итак, от Лесного озера до Ненарадова будет совсем недалеко, километров двадцать пять. Успеете добраться, как раз, до начала метели.... Как ехать? Без маленькой хитрости тут не обойтись! Сперва вот по этой дороге, а на данном перекрёстке уйдёте налево.... Какая у вас машина? Джип-внедорожник? Отлично! Надо выехать вот на этот высокий холм и внимательно посмотреть направо. Там замаячат жёлтые огоньки, это жилая деревня Шадрино. Следуйте на огни прямо через поле с озимыми, у деревенской околицы окажетесь на грунтовой дороге. Вот, считай, и приехали. От Шадрино до Ненарадова километров восемь будет, то есть, примерно пять вёрст, если считать по-старому...

«Ненарадово, Шадрино?», – засомневался Петька. – «Что-то явно знакомое, слышимое уже – где-то, когда-то.... Так и напрашивается некая простейшая и прямая ассоциация. Нет, пока не вспомнить...».

Естественно – перед расставанием – выпили на посошок.

– Никогда нельзя пренебрегать старинными народными традициями и обычаями! – нравоучительно наставляла Ольга, которая являлась инициатором и идейным вдохновителем данного действия. – Только законченные уроды и поганцы забывают историю своего народа! Всякие там пословицы, поговорки и прочие – веками проверенные и многократно перепроверенные ритуалы.... Мы с вами, что же, некие Иваны, родства совсем непомнящие, а? Я вас, соратники, спрашиваю?! С меня – тост? Что же, спасибо за оказанное доверие, благородные и высокородные господа! Итак, предлагаю выпить за..., э-э-э.... За славный и легендарный девятнадцатый век, так любимый мною! Вернее, за его первую половину! За благородных гусар, отважных и дерзких! За прекрасных дам, трепетных и верных! Ура! Ура! Ура!

С вершины холма они спускались неверной походкой (неверными походками?), любезно поддерживая друг друга под локотки на скользких и коварных спусках.

– Ещё рокошет голос струнный, ик! Но командир – уже в седле, ик! – самозабвенно и пьяно выводила Ольга. – Не обещай деве юной, ик, пардон.... Любви вечной на земле. Не обещайте, ик...

«Очень странно это всё, чёрт меня побери!», – расслабленно рассуждал про себя Пётр, старательно придерживая-успокаивая гусарскую саблю на своём левом боку, так и норовившую подло зацепиться за всё подряд – за нижние ветви разлапистых ёлочек, за густые кусты черничника и за одежду-обувь спутников. – «Во-первых, этот упёртый и фанатичный уфолог, так всё интересно и доходчиво излагающий. Во-вторых, местный ароматный деревенский самогон – с его неимоверно-приятным опьянением. В-третьих, и это главное.... Я становлюсь – прямо-таки на глазах – каким-то совершенно другим человеком. Сильным и наглым, знающим и опытным, более уверенным в себе, что ли. Более – настоящим.... Такое впечатление, что даже мой пухлый живот немного уменьшился в объёме. Или, мне это только кажется? Мол, желаемое – совершенно произвольно – выдаётся за действительное?».

– Тихо, родные мои собутыльники и собутыльницы, – испуганной среднеазиатской гурзой зашипел Нефёдов. – Тихо, ради Бога.... Кажется, намечаются новые нелепые и неожиданные

сюрпризы. Я же всё выключил-погасил-закрыл и поставил машину на сигнализацию. А там, мать его...

«Там» отчётливо светили «дальние» фары, и из приоткрытого автомобильного окошка звучала – отдельными обрывки и отрывками – практически незнакомая (смутно знакомая?) песенка:

Метель, снега...
А на душе – опять – капель.
Метель..., пурга...
А в дверь уже стучится новый день...

Вокруг японского внедорожника лежал свежий слой рассыпчатого снега, не испоганенный (не истоптанный, не потревоженный?) ни единым следом человеческой обуви.

– И как это прикажете понимать? – без устали доставал всех хмельной Нефёдов – Не, ну, как, мать вашу? Объясните мне, туповатому и заторможенному олигарху, пожалуйста.... Так вас всех растак! Окошко приоткрыто? Приоткрыто! Снегу полмашины намело? Намело! Долбаная магнитола орёт на всю округу? Орёт! Не, что за дела? Так его.... Ольга! А почему я – такой пьяный? Кто там вопил и обещал намедни, что, мол: – «Весь процесс возьму в ежовые рукавицы! Всё выстрою – по лучшим мировым аналогам! И научу – Родину любить...». Кто, мать его, обещал – любить? Ничего не понимаю, так его...

– Любить обещала, врать не буду, – меланхолично сообщила Ольга. – Прямо сейчас готовая, со всем старанием и прилежанием. Типа – крепко упершись ладошками в капот джипа. Пусть Петруша изойдёт на похотливую слюну. Весь и сразу.... Так, блин, метель начинается, так её растак! Может, уже поедem, ребятишки? Типа – ради элементарной разумной целесообразности? В цивилизованный мир очень уж хочется попасть. Принять горячий душ, поужинать, выпить хорошего ликёра, перекурить, да и завалиться спать на белоснежных простынях...

Сели и поехали.

– Крепче за баранку держись шофёр! – бесшабашно и пьяно орал Нефёдов, демонстративно уверенно крутя руль во все стороны. – Чтобы не пришлось любимой плакать.... Ольга!

– Я!

– Назначаешься главным штурманом автомобильного пробега! Конечная точка маршрута – комфортабельное поместье Ненарадово!

– Есть! Польщена и прониклась...

– Не стоит благодарности, моё легкомысленное сердечко.... Командуй! То есть, води болид по незнакомой трассе и регулярно подсказывай.

– Без проблем, мой отважный и непредсказуемый командор! Приближается нужный перекрёсток.... Точно! Уходим налево, как учил очкастый профессор, большой ценитель деревенского самогона.... Начинается крутой подъём. Газуй, газуй, недотёпа! Скоро въедем на холм.... Ага, вперёд! Газуй! Руль выворачивай! Ещё выворачивай.... А-а-а!!!

Внедорожник, выехав на вершину очередного холма, неожиданно попал передними колёсами на гололёд. Машину тут же завертело-закрутило и понесло.... Секунда-другая, и джип, напоследок утробно хрюкнув, вылетел в кювет, нещадно сбивая-срезая – по дороге – хлипкие сосёнки-ёлочки. Удар, второй, третий, перед глазами поплыли, стремительно расходясь в стороны, тёмно-бордовые круги, темнота...

Петька пришёл в сознание первым. В затылке беспардонно поселилась тупая и настойчивая боль. В висках назойливо – взбесившимся метрономом – стучало «второе» сердце. На

коленях лежали (валялись, покоились, располагались?) осколки разбитых автомобильных стёкол.

«Полная непруха, однако», – ленивой мышкой проползла в совершенно пустой голове вялая мысль. – «То одно, то, понимаешь, другое.... Сперва заблудились практически на ровном месте. Теперь, вот, авария случилась, мать его.... Неспроста это всё. Ох, неспроста!».

Выяснилось, что машина, успешно промая в молоденьком елово-сосновом лесу широкую просеку, встретила бампером – видимо, на прощание – со стволом толстой рябины. Пётр, с трудом открыв перекореженную дверцу, вывалился наружу.

Кромешная темнота, резкий, неприятно-колючий ветер, холодный снег в лицо, кровь, лениво капающая из носа.

Петя, досадливо матерясь вполголоса, торопливо нашарил в кармане ментика фонарик, включил, щёлкнув кнопкой, и обомлел:

– Крови-то сколько! Мать моя, женщина усталая! Всё испещрено мелкими капельками.... Или, может, это и не кровь вовсе? Сюрреализм и импрессионизм в одном флаконе, не иначе....

Всё вокруг (всё, без преувеличений!) – крыша автомобиля, близлежащие сугробы и э-э-э.... В общем, ничего другого рядом и не наблюдалось. Короче говоря, крыша машины и снег – рядом с ней – были щедро (щедрей и не бывает!) усеяны спелыми ягодами рябины, упавшими с веток дерева. Очевидно, от сильного удара капота внедорожника о древесный ствол.

Спутники пришли в себя самостоятельно и скоро тоже выбрались из джипа, отплеываясь – соплями и кровью – во все стороны и жалобно постанывая.

– Вот же, профессор хренов! Морда гадкая и скользкая! – от души возмущалась Ольга – Накаркал, сволочь прозорливая.... Мол, не гоните без меры, мальчики и девочки! Где он, интересно, девочек нашёл, урод очкастый?

– Конец моему верному Росинанту, – печально констатировал Нефёдов, нежно поглаживая помятый бок автомобиля. – Не заводится, естественно. Помер, наверное.... Что будем делать, соратники?

Вопрос был – риторическим изначально. Километрах в трёх-четырёх – под холмом – ласково подмигивали-подмаргивали светло-жёлтые огоньки деревушки Шадрино.

– К жилью надо идти! – решительно объявила Ольга. – Чего, спрашивается, тут ловить? Простуду хроническую? Устойчивый насморк? Гнойную ангину? Пардон, но – не нуждаюсь! Мобильная связь так и не восстановилась? Понятное дело, сильнейшие сезонные магнитные аномалии, так их всех.... Ну, вперёд, храбрые шевалье и эскавайры?

– Вперёд, конечно же, – невозмутимо согласился Глеб. – Пьер, морда толстая, гусарская!

– Ну?

– Баранки радостно и упорно гну! Здесь останешься, машину будешь бдительно охранять. Мы скоро. У меня в Ненародово управляющий – мастер на все руки. Пришлю его, в момент починит авто. Вместе с ним и приедешь.... Лады?

– Лады...

Ольга и Глеб, крепко обнявшись и весело напевая какую-то дурацкую песенку, ушли в направлении деревенских заманчивых огней. Вернее, ушли и растаяли.... Как, впрочем, и сами огоньки....

Неожиданно, словно бы по команде кого-то неизвестного, но, без всяких сомнений, всемогущего, началась настоящая – полнокровная и всеобъемлющая – метель. В смысле, Метель – с большой буквы.

Белые хлопья, неправдоподобно крупные и пушистые, казалось, были повсюду: безостановочно мелькали мутным калейдоскопом перед глазами, надоедливо забивались за шиворот и в уши....

– Вот же, пакость какая мерзкая! – недовольно ругнулся Пётр и тут же зашёлся в приступе лающего кашля, получив в рот приличный снежный «заряд». – Тьфу, тьфу! К-ха! К-ха!

Все стёкла в автомобиле были разбиты, а зажигалку жадная Ольга утащила с собой, так что о жарком и живительном костре оставалось только мечтать. Холод донимал всё сильнее и настойчивее, коварно забираясь под старенький овчинный тулупчик. Особенно сильно мёрзли ноги, облачённые в тонкие гусарские ботинки.

Время текло предательски медленно, вязкие секунды неохотно превращались в бесконечные минуты, сливающиеся – в свою очередь – в единое, холодно-ледяное целое...

– Да что же это такое делается, а? За что караешь, Господи, своего слугу недостойного? – часа через четыре с половиной взмолился Пётр, молоденьким козликом подпрыгивая перед джипом. – Так и офигеть можно запросто! В том смысле, что обморозить нежные пальцы ног и на всю оставшуюся жизнь заделаться убогим калекой.... Где этот Нефёдов, олигарх недоделанный, так его растак? За это время можно было до Ненарадово раза три дошагать и успешно вернуться обратно. Или они с Ольгой нечаянно заблудились – в этой метельной заверти? Запросто могли, чёрт побери! И что прикажете теперь делать? Покорно и незлобиво замерзать здесь, к такой-то матери? Не нанимался я, уважаемый господин Глеб Сергеевич Нефёдов, сторожить вашу олигархическую колымагу. Извините покорно! Но, действительно, не нанимался...

Неожиданно в небе сверкнула длинная, непривычно-изогнутая светло-зелёная молния, через мгновение – вторая. Секунд через семь-восемь раскатистого и глумливо прогремел самый настоящий гром.

– Ни фиги себе! – восхищённо и чуть испуганно выдохнул Петька. – Зимняя метель, сопровождаемая грозой? Да, какой же сложный и странный мир нас окружает со всех сторон! Чудны дела твои, Господи!

Он осторожно постучал замёршей ногой по чёрной крышке внедорожника:

– Эй, братишка! Пойду я, пожалуй, в Шадрино. Типа – к людям, спасительному теплу и деревенскому уюту. Извини, что бросаю тебя здесь одного – на растерзание безжалостной снежной стихии. Но.... Жить, понимаешь, очень хочется. Так что, бывай! Я обязательно вернусь. Кстати, седельный пистолет я оставлю на водительском сиденье, всё равно у меня нет при себе ни пуль, ни пороха. Зачем таскать явно-бесполезный груз?

Пётр, пригибаясь и прикрывая воротником тулупа лицо от резких снежных потоков-порывов, начал спускаться с холма, идя по наполовину занесённым следам Глеба и Ольги.

– Не заблудимся, чай, – бормотал он себе под нос. – Ага, вон и первый огонёк появился впереди. Шадрино, наверное, не иначе.... Или – Жадрино?

Пройдя, ориентируясь на одинокий, светло-оранжевый огонёк-светлячок, метров триста пятьдесят, Петька остановился как вкопанный: следы товарищей пропали. Резко и сразу, как будто у Глеба и Ольги неожиданно выросли за спинами орлиные крылья, махая которыми, они и улетели – в неизвестном направлении. Вот узенькая тропинка дошла до приметного прямоугольного камня и исчезла, впереди простиралась только ровная, ничем и никем не потревоженная снежная равнина...

– Пади! Пади! В сторону! – из темноты неожиданно вылетела тройка гнедых мосластых лошадей, влекущих за собой неуклюжий кожаный возок, установленный на санях. – В сторону! Прочь с дороги! – надрывался сидящий на облучке кучер, отчаянно орудуя кнутом. – Пади!

Прошло несколько секунд, и возок – вместе с гнедыми лошадьми и сердитым кучером – растворился в метельной ночи, словно бы его и не было никогда...

Глава четвёртая

Венчание и старые развалины

Пётр, совершенно ничего не понимая, минуты полторы нерешительно потоптался на месте, бестолково рассуждая вслух:

– Так – волей-неволей – можно и в чудеса поверить! Или, наоборот, в окончательное и бесповоротное торжество науки. Например, непревзойдённой уфологии.... То бишь, произошли некие судьбоносные магнитные аномалии, за которыми последовал ни кем несанкционированный пробой-пролом во Времени. Ага! Ну, а Глеб с Ольгой туда успешно и провалились.... Невероятный горячечный бред? Может быть, и так. Вполне, даже, может.... Но что-то я, хоть убей, не вижу других правдоподобных и логичных объяснений. Не вижу, и всё тут! Тройки – с бешеными ямщиками на облучках – ещё разъезжают, не пойми, куда и откуда...

Вскоре, так и не придя к окончательному решению этой метельной головоломки, он двинулся дальше, на свет далёкого огонька. Так океанский корабль, нечаянно заблудившийся в бескрайних морских просторах (например, компас вышел из строя), всегда устремляется к ближайшему маяку, надеясь хоть там определить своё истинное местоположение.

Метель – как-то незаметно и неожиданно – изменилась, став неправдоподобно плавной, медленной и – визуально – чуть-чуть сиреневой. А ещё, при этом, совершенно бесшумной.

– Ерунда какая-то ерундовая, блин снежный! – непонимающе возмущался (в этой абсолютной тишине) Петька. – Аж, давит на уши. Барабанные перепонки пощипывает и слегка покалывает.... Сиреневый снег? Да, прав был мудрый профессор Иван Павлович: непростые здесь места. Совсем, даже, непростые...

Вокруг немного посветлело. Очевидно, приближался скупой зимний рассвет, что подтверждал и звонкий петушиный крик, изредка доносившийся со стороны деревни.

Когда Пётр вошёл в Шадрино, метель снова – неуловимо и внезапно – изменилась, став самой обыкновенной: белой, резкой и неприятно-визгливой. Несколько неприметных домиков-развалюх под чёрными камышовыми крышами, парочка покосившихся сараев, неуклюжий и страшно одинокий колодец-журавль, кривые треугольники погребов.

«Идеальное место для исторических «реконструкций» событий восемнадцатого-девятнадцатого веков!», – решил про себя Петька. – «Надо будет потом обязательно потолковать на эту тему с Нефёдовым. А, что такого? Из многочисленных исторических документов точно известно, что городок Малоярославец в октябре 1812-го года семь-восемь раз переходил – из рук в руки – от русских к французам и, соответственно, наоборот. Вот, пусть деревенька Шадрино и сыграет в нашей будущей «реконструкции» роль Малоярославца. Да и местным жителям дополнительная денежка пригодится, будет действенным подспорьем в их нелёгкой повседневной жизни.... Кстати, сугробы-то вокруг – избыточно высокие какие-то. Будто бы и не первые, октябрьские, а уже зимние – солидные, матёрые, январские...».

Светло-оранжевый огонёк оказался весёлым и трескучим костерком, бодро постреливающим янтарными угольками возле низенького крыльца симпатичной бревенчатой церквушки.

«Настоящий музейный антиквариат!», – восхищённо отметил Пётр. – «Памятник большой исторической ценности. Натуральный и патентованный раритет. Наверняка, находится под бдительной охраной нашего государства.... Эге, похоже, что в церкви есть люди! Вон, тусклые отсветы мелькает в крохотном окошке. Кому, интересно, не спится? Может, проходит эта, как там её.... Всенощная служба?».

За церковной оградой стояло несколько саней-возков, тихонько и коротко похрапывали, словно бы переговариваясь между собой, невидимые лошади, по паперти ходили какие-то люди.

– Эй, сюда, сюда! – глухо долетели сквозь нудные завывания метели взволнованные мужские голоса.

К нему на встречу от церковного крыльца бросился высокий, костистый и бородатый старикан – в тулупе до самой земли, с потрёпанным заячьим треухом на голове.

– Барин, родимый! Наконец-то! Давай, я тебе помогу! Хватайся за моё плечо! Крепче хватайся! Все уже заждались тебя.... Барышня очень волнуется и переживает...

– Это Шадрино? – спросил Пётр.

– Оно самоё – Жадрино!

– Помилуй, где ты замешкался, братец? – подбежал к ним полненький господинчик, едва различимый в ночной темноте и говорящий с характерным немецким акцентом. – Мы с Дравиным все извелись. Уже и не знаем, что думать. Твоя невеста почти в обмороке. Поп не понимает, что ему делать. Сопливый мальчишка-улан, и вовсе, советует разъезжаться по домам. Входи же скорее! Входи!

«Жадрино? Ненародово? Дравин? Сопливый мальчишка-улан?», – пронеслось в Петькиной голове. – «Эге, это же наши ребята решили провести литературную «реконструкцию» бессмертной повести А.С. Пушкина – под названием – «Метель»! Сходится всё.... Молодцы, здорово придумали! Надо, пожалуй, подыграть немного...».

– Не волнуйтесь вы так, мой любезный Шмидт! – легкомысленно усмехнулся Пётр. – А Марию Гавриловну я сейчас успокою, не переживайте.

– Что у тебя с голосом, Владимир? – обеспокоенно спросил «пушкинский землемер».

– Ерунда, немного простыл. Видимо, крепко продуло во время сегодняшней метели. Но, как известно, простуда женитьбе не помеха...

На крыльце он тщательно отряхнул снег с плеч а, войдя в тесные сени, расстегнул верхние пуговицы тулупчика.

В церкви было откровенно темновато и мрачновато, три тощие восковые свечи неуверительно и лениво боролись с тёмно-фиолетовым сумраком. Пётр, старательно подыгрывая «реконструкторам», спрятал лицо в поднятый воротник полушубка.

В дальней части церковного помещения о чём-то взволнованно переговаривались между собой старенький «священник», верзила средних лет в партикулярной одежде и худенький юноша в форме улана. В правом – от входа – углу, на широкой лавке, безвольно опустив руки, сидела молоденькая девушка, одетая в длинное, явно старомодное платье. Другая девица в одежде простолюдинки, стоя рядом с лавочкой на коленях, старательно тёрла сидящей «дворянке» виски. Увидав вошедших, «служанка», недовольно покачав головой, принялась ворчливо выговаривать:

– Слава Богу! Насилу вы приехали. Чуть было не утомили мою бедную барышню....

«Всё по А.С.Пушкину! Учитывают даже мельчайшие детали!», – мысленно восхитился Петька. – «Почему же я не знаю этих ребят? Ах, да, Глеб говорил вскользь, что должны подъехать новенькие. Кажется, из Питера...».

Вслух же он, коротко откашлявшись, объявил – важно и солидно – как и полагалось пушкинскому Бурмину:

– Господа, я прибыл! Извините покорно за нечаянное опоздание. Метель, сами понимаете...

– Прикажете начинать? – оживился седобородый «священник».

– Начинайте, батюшка, начинайте! – барственно и надменно процедил Петька. – Уже рассвет приближается. Надо поторапливаться.

«А, вот, это подозрительное совпадение фамилий? У Пушкина, понимаешь, Бурмин, я – Бурмин...», – подумалось слегка обеспокоенно. – «Очередная, блин магнитный, странность....

Ладно, будем надеяться, что это обычное совпадение. Без всякой задней мысли и плановой судьбоносности...».

«Землемер Шмидт» и юноша в форме улана бережно подняли барышню, облачённую в дворянское платье, на ноги и подвели к аналю. Петька встал рядом, заглянул девице в лицо и удивился про себя: – «Она же слегка похожа на Ольгу, новую подружку Нефёдова! Точно такой же нос-кнопка, задорно вздёрнутый вверх, соболиные чёрные брови. Только волосы светлые, да личико щедро покрыто милыми веснушками. Глаза? Нет, не рассмотреть. Надёжно прикрыты густыми и пушистыми ресницами...».

Обряд венчания прошёл как-то буднично и на удивление быстро. Старенький «батюшка» нудно и равнодушно шепелявил что-то неразборчиво-дежурное, противно и навязчиво пахло курящимся ладаном и вековой затхлостью.

«А если священник – настоящий?», – запоздало забеспокоился Пётр. – «Шутки шутками. То бишь, литературная «реконструкция» – дело, безусловно, благородное и поучительное... Но, ведь, так и доиграться можно ненароком. Раз, два и окружили – на всю оставшуюся жизнь...».

– Поцелуйтесь, чада мои! – радостно велел «батюшка». – Да возрадуется Господь наш всеблаготворитель на небесах...

Петька тяжело вздохнул и, смущённо облизав губы, вытянул их «трубочкой». Девушка обернулась, её шикарно-пушистые ресницы испуганно дрогнули и широко распахнулись.

«Какие потрясающие и необыкновенные глаза!», – вихрем пронеслось в его голове. – «Лазурно-синие, огромные, глубокие, задумчивые... Чудо чудное! Я, похоже, пропал...».

– Ай, не он! Не он! – в полном соответствии с пушкинским текстом звонко воскликнула девица и упала (картинно?) без памяти – прямо в объятия жениха, то есть, уже законного супруга.

– Эй, Шмидт, Дравин, бездельники! – непринуждённо позвал Пётр. – Помогите! Примите у меня Марию Гавриловну!

Сдав подбежавшим «землемеру» и «корнету» – с рук на руки – их соратницу, он неторопливо зашагал к выходу: у «реконструкторов от литературы» было принято соблюдать событийные сценарии самым тщательным и шепетильным образом.

– А вы, собственно, кто будете, сударь? – робко спросил юноша в форме улана, стоящий у дверей.

– Гусарский подполковник Пьер Бурмин, естественно. Прошу любить и жаловать! – криво усмехнулся Петька, останавливаясь и невольно прислушиваясь к происходящему возле аналя.

– Ой, как же у неё побелело лицо! Матушка моя заступница! Как бы ни померла часом! – жалостливо и испуганно воскликнула «служанка».

– Глубокий обморок! – подтвердил кто-то из мужчин. – Доктор обязательно нужен... Да, вот, где же его взять? Придётся, наверное, скакать в Малоярославец...

Пётр, неуверенно потоптавшись у дверей, тихонько вздохнул и двинулся обратно, на ходу доставая из правого внутреннего кармашка ментика пузырёк с нашатырным спиртом. Не то, чтобы он поверил в «глубокий обморок» (актёрские навороченные штучки, понятное дело!), просто очень уж хотелось ещё раз заглянуть в те незабываемые синие глаза. До дрожи в коленях хотелось, до холодной испарины...

Невежливо растолкав в разные стороны «реконструкторов», Пётр склонился над девушкой, неподвижно сидящей на досчатом некрашеном полу, прислонясь спиной и затылком к тёмным брёвнам стены. Отвинтил с флакона крышечку, зубами, задержав дыхание, вытащил тугую резиновую пробку и поднёс пузырёк к веснушчатому носу-кнопке.

Опять – бесконечно мило и незащищено – дрогнули длинные и невероятно пушистые ресницы, и вот перед ним снова они – незабываемо-прекрасные, лазорево-синие глаза-колодцы.

– Кто вы, милостивый государь? – чуть слышно прошептали карминные, изысканно очерченные губы.

– М-м-м! – беспомощно и смущённо замычал Петька.

– У вас во рту зажата какая-то круглая чёрная штука. Выньте её, пожалуйста, чтобы не мешала говорить, – добросердечно посоветовала девушка.

Он, благодарно помотав головой, разжал зубы, выплюнув «круглую чёрную штуку» на ладонь, вставил пробку – подрагивающими непослушными пальцами – в горлышко склянки, завинтил крышечку, и, убрав флакон в карман, вежливо представился:

– Гусарский подполковник Пьер Бурмин! Получается, что ваш, милая сударыня, законный муж – перед Богом и людьми. «Реконструированный» муж, понятное дело...

– Муж, как странно..., – задумчиво и чуть удивлённо протянула синеглазая барышня. – Муж.... А вот это ваше последнее длинное слово – на букву «р» – мне совершенно незнакомо, извините.

– Я очень рад нашей внезапной и неожиданной встрече, милая, э-э-э, Мария Гавриловна! – бестолково, но искренне заверил Петька. – И очень надеюсь на продолжения знакомства с вами.... Но сейчас вынужден откланяться. Извините, срочные и важные дела!

– Позвольте, милостивый государь! Как это – откланяться? Какие ещё такие дела? – решительно вмешался детина в партикулярном костюме. – Извольте подробнейшим образом объясниться в произошедшем! Сто тысяч чертей! Я вам не позволю...

– Отставить, корнет Дравин! – прикрикнул Пётр.

– Откуда вы меня знаете?

– Естественно, из книги. Как и всякий образованный человек, любящий классическую литературу.... Потом поговорим – более подробно и содержательно – в стационарном лагере. А сейчас я очень спешу. Видите ли, в этой дурацкой метели заблудились два человека...

– В-в-владимир заблудился? – начала заикаться девушка. – В-в-владимир Н-н-николаев?

– Ну, он-то найдётся скоро, не успеете даже соскучиться. Часа через два с половиной его приведёт молодой крестьянин, если, конечно же, я правильно помню текст великого русского классика.... Глеб Сергеевич Нефёдов и его..., м-м-м, невеста Ольга пропали бесследно. Их ведь здесь не было? Вот, видите! Пойду искать...

– Конечно, конечно, идите! – заволновалась Марья Гавриловна. – Нельзя бросать своих товарищей в беде.... Нельзя! Глеб Сергеевич Нефёдов? Это не тот ли, который пропал без вести под Аустерлицем? Я недавно читала о нём в толстой книге...

– Ну, можно и так сказать, – Пётр принялся нервно лохматить свои, и без того пышные усы-бакенбарды. – В строго определённом смысле, конечно.... Кстати, к Ненародово надо поворачивать направо, или налево?

– Направо, безусловно.

– Ага, большущее спасибо! Господа и дамы, всех благ! А с вами, милая Марья Гавриловна я не прощаюсь. Мы, надеюсь, увидимся сегодня вечером в Ненародово?

– Конечно же, обязательно, как вам будет угодно, – покорно прошелестел в ответ смущённый голосок. – Но, почему же, именно сегодняшним вечером? Вечеров – всяких и разных – на наш век хватит. Поверьте мне...

Выйдя из церкви, он, для чего-то трижды перекрестившись на маковку, украшенную скромным деревянным крестом, бодро зашагал направо. Конечно же, у литературных «реконструкторов» имелись сани с запряжёнными в них лошадьми. Но.... Во-первых, Пётр очень не любил – по поводу и без оно – стеснять незнакомых и малознакомых ему людей. Во-вторых, вдруг, Глеба и Ольгу сбило с ног сильным ветром, и их бесчувственные тела лежат на обочине дороги, слегка припорошённые октябрьским снежком? Маловероятно, но всё же.... Куда-то же они, в конце концов, подевались? Ведь, не улетели же, в самом-то деле, старательно махая

орлиными крыльями? А на конной повозке запросто можно – с весёлым попутным ветерком – промчаться рядом и ничего не заметить.... В-третьих, много и старательно ходить пешком – очень полезно для здоровья. Особенно людям избыточно полным, то есть, откровенно говоря, не в меру жирноватым.... И, в-четвёртых, ему хотелось немного побыть в одиночестве: никуда не торопясь, подумать о прекрасных синих глазах Марии Гавриловны, наметить некие планы на будущее – относительно возможного завоевания её трепетного девичьего сердечка.

– Впрочем, какая она – «Мария Гавриловна»? – неуверенно бормотал Петька себе под нос. – «Мария Гавриловна» – это роль из литературной «реконструкции» пушкинской «Метели».... Надо же было познакомиться с симпатичной девушкой, узнать её настоящее имя. Эх, что же это я такой туповатый и несообразительный?! Почему правильные и разумные решения всегда приходят в мою лохматую голову с хроническим опозданием? Никакого зла не хватает....

Метель опять окрасилась в непривычные сиренево-фиолетовые тона, снова став совершенно бесшумной. Он – в полной тишине, не обращая на очередную перемену театральных декораций никакого внимания – расслабленно брёл по просёлочной дороге и мысленно рассуждал о всяких важных разностях: о смысле своей бестолковой жизни, о редких любовных историях и интригах, которых – по сути – и не было, о призрачных и неверных перспективах на Будущее. Ну, и не забывал изредка посматривать на придорожную обочину. Вдруг – что....

Незаметно и ненавязчиво наступило пригожее зимнее утро, снег перестал сыпать, ветер почти стих. Серые облака трусливо и планомерно отступили к югу, обнажив ярко-голубое, наивно-бесстыжее небо. Из-за восточной линии горизонта неторопливо и рассеянно выбралось ленивое, неприлично белёсо-жёлтое октябрьское солнышко. Под воздействием его неярких лучей всё вокруг нестерпимо заблестело-засияло. Это крохотные кристаллики инея, незаметно для окружающих облепившего все выпуклые предметы, доходчиво объявили о своём существовании.

– Смотри-ка ты, а здесь снега совсем мало! – поделился Пётр своими наблюдениями с упитанными нежно-розовыми снегирами, беззаботно перепархивающими с ветки на ветку в густых придорожных кустах. – В этом Шадрино-Жадрино будет в пять-семь раз побольше....

Когда было пройдено порядка пяти с половиной километров, впереди послышался басовитый гул мотора и из-за ближайшего поворота показался белый микроавтобус.

Пётр поднял вверх руку, автомобиль послушно остановился, распахнулась шофёрская дверца, и на снег вылез-выпрыгнул пожилой шустрый мужичок – по всем внешним признакам – «фээсбешник» («кагэбэшник»?) в отставке.

– Приветствую вас, Великий Магистр Пьер! – без тени улыбки поздоровался мужичок. – Вы меня, конечно же, не помните? Я – Николай Николаевич, управляющий Глеба Сергеевича Нефёдова. В смысле, управляющий его поместьем «Ненарадово». Мы видались-знакомились ранней весной позапрошлого года на льду Чудского озера, когда ваш дружный коллектив «реконструировал» легендарное Ледовое Побойще.... Помните?

– Ну, да, помню! – искренне обрадовался Петька. – Вы же тогда меня спасли, то есть, вытащили из ледяной воды, когда я случайно провалился под неожиданно-треснувший лёд.... Спасибо вам, Николай Николаевич! Обязан по самый гроб жизни!

– Не стоит оно – таких жарких благодарностей. Право, господин Магистр, не стоит. Самая обыкновенная и насквозь рутинная работа. Должностные обязанности, так сказать.... Кстати, называйте меня просто – Николаичем.... А где Глеб Сергеевич?

– Они с Ольгой разве не появлялись в Ненарадове?

– Нет, не было. Вчера ещё ждали, но.... И их мобильные телефоны молчат. Вернее, всяческая телефонная связь – в Ненарадово и рядом с ним – отсутствует. Я уже начал волноваться.... Что-то случилось? Давай, Магистр, излагай! И, пожалуйста, без вежливых сантиментов и дурацкого «выканья», раз такое дело....

Пётр подробно рассказал «что случилось»: про то, как они глупо и бездарно заблудились – в паутинках дорог, отвороток и глубоких канав будущего газопровода, про красно-бурую палатку профессора-самогонщика, про полупьяную аварию, неожиданную бесшумную метель и таинственное исчезновение – практически на ровном месте – Глеба и Ольги. А вот про «реконструкцию» венчания в деревенской бревенчатой церкви он не обмолвился ни единым словечком. Собственно, зачем? Ведь это не имело (вроде бы?) ни малейшего отношения к заблудившимся друзьям...

– Ай-й-й-й! – обеспокоенно покачал головой Николаич. – Это всё Ольга, не иначе. Опять, наверное, придумала очередную глупую и бесшабашную авантюру.... Я ей никогда полностью не доверял. Такая беспокойная и непутёвая особа – это что-то! И выпить любит, меры не зная.... Залезай, Магистр, в машину! Поедем, всё осмотрим на месте.

– А как же гости? – спросил Пётр. – Может, стоит и их привлечь к поискам? Хотя бы – поставить в известность?

– Какие гости? А, «реконструкторы».... Ещё никого нет. Только завтра с раннего утра все начнут съезжаться – в соответствии с расписанием ваших костюмированных игр...

«Откуда же тогда в Жадрино-Шадрино появились литературные «реконструкторы»? Или они – сами по себе? В том смысле, что незнакомы с расписанием? А лошади, запряжённые в сани и возки? Арендовали в каком-нибудь другом поместье?», – удивился Петька, но ничего – по наитию – спрашивать не стал.

Перед его глазами промелькнула неприметная табличка – «Шадрино» (и, всё же, Шадрино, а не Жадрино!), микроавтобус резко повернул, и по обеим сторонам от просёлочной дороги обнаружились – вблизи и вдали – вполне современные домики и коттеджи: кирпичные, оштукатуренные, обитые вагонкой и декоративным сайдингом.

«Ничего не понимаю! Бред, бред, бред! Ещё полтора часа назад здесь не было ничего похожего. Не было, разрази меня громом! Я бы обязательно заметил.... Как такое можно не заметить?», – Пётр ошарашено завертел головой во все стороны и заторможено спросил:

– А где же.... Где же деревенская церковь?

– Церковь? – непонимающе переспросил Николаич. – Нет в Шадрино никакой церкви. Ближайшая – только в Жабино.

– Как же так? Я же сам, э-э-э.... Сам читал в толстой книге, что есть...

– Была когда-то, не спорю. Причём, какая-то приметная и чем-то там знаменитая. Только очень давно. Её снесли, если я не ошибаюсь, ещё в двадцатые-тридцатые годы прошлого века.... Мы сейчас будем проезжать мимо церковного фундамента. Если надо, то я могу и притормозить.

– Притормози, – согласно мотнул головой Пётр, отметив про себя, что и в Шадрино нигде не наблюдалось серьёзных зимних сугробов. Так, сущее баловство, мелочь...

Микроавтобус плавно затормозил около неприметного холмика, слегка припорошённого снегом.

– Пошли, полюбопытствуем? – предложил управляющий Нефёдова. – Раз уж, всё равно, остановились...

Какие-то тёмно-серые, грубо-отёсанные (бетонные?) глыбы, гладкие и ребристые гранитные булыжники, крупные, непривычно рыжеватые и тёмно-бордовые кирпичи.

– Николаич, может, это совсем не та церковь? – с надеждой в голосе спросил Петька. – Я читал про деревянную, то есть, про бревенчатую...

– Та, Магистр, та! – заверил собеседник. – Действительно, в самом начале девятнадцатого века на этом месте стояла бревенчатая церквушка. Потом, как и полагается, сгорела. Кажется, во время Отечественной войны 1812-го года, когда наша Россия сражалась с войсками французского Наполеона Бонапарта.... На месте сгоревшей церкви отстроили – естественно, уже в

мирное время – капитальную, серьёзную, кирпичную. Потом и её очередь – в соответствие с марксистко-ленинским материализмом – наступила.... Ага, вспомнил! Тут мне кто-то из местных мужиков намедни втулял с гордостью, что, мол, про бревенчатую церковь, которая здесь была когда-то, сам великий Пушкин писал, который Александр Сергеевич. В своей бессмертной и знаменитой повести – «Метель».... Самой книжки-то я не читал, каюсь. Но кино смотрел. Там ещё мелодия такая – чудесная и запоминающаяся. Кажется, композитора Григория Свиридова...

Глава пятая

Честный обмен

Дальше они поехали уже по бесконечно-белому полю, вдоль наполовину занесённой цепочки Петькиных ночных следов. Бездонное голубое небо, лёгкий весёлый морозец, снежная рассыпчатая пыль, белым веером вылетающая из-под колёс автомобиля.

– Тормози, стой! – скомандовал Пётр. – Вон оно, то место, где обрываются следы Глеба и Ольги...

Микроавтобус остановился, управляющий Нефёдова и Петька выбрались наружу, медленно, внимательно глядя под ноги, подошли к прямоугольному приметному камню.

– Ерунда какая-то! – через три-четыре минуты расстроено подытожил Николаич. – Действительно, следы пропали. А ещё характерно пахнет палёным. И камень этот прямоугольный – такое впечатление – недавно был оплавлен в кузнечной печи.... Шарада хитрая и неразрешимая! Ребус без правильного решения. Лично у меня нет никаких разумных версий, хоть как-нибудь объясняющих данный неприятный казус. Впрочем...

– Что, родилась гениальная идея?

– Да, как сказать, Магистр. Как сказать.... Понимаешь, Глеб Сергеевич, он большой мастер на всякие заковыристые шутки и весёлые розыгрыши. Весёлые – по его олигархическим и нестандартным понятиям.... Остаётся только предположить, что они с Ольгой, шагая задом наперёд по собственным следам, вернулись назад.

– Зачем? – нахмурился Пётр.

– Например, чтобы тебя, олуха доверчивого, пошло разыгрывать. Видишь, метров через сто семьдесят-восемьдесят тропинка проходит рядом с густыми кустами ракитника?

– Вижу. Вы думаете, что...

– Вот именно! Они вернулись назад и спрятались в кустах. Сидели себе и наблюдали, даваясь от смеха, как ты, Магистр, сходишь с ума от беспокойства. У Ольги-то с чувством юмора – немного того.... В том смысле, что без общепринятых ограничений и всяческих тормозов. Та ещё девица, обладающая воистину безграничной и извращённой фантазией.

– Глеб и Ольга четыре с половиной часа просидели в заснеженном кустарнике? В метель и холод? Чтобы слегка подшутить надо мной? Не верится что-то, ей-ей...

– Не вижу ничего странного! С этой сладкой парочки станется, – понимающе ухмыльнувшись, заверил Николаич. – Дело-то молодое, безбашенное! Они, надо думать, не просто так лежали. А, рачительно подстелив на снег пышного елового лапника, занимались – со всем нерастраченным пылом – разными горячими современными глупостями.... Метель и холод? Ерунда! Наоборот, очень даже романтично и необычно. В том смысле, что будет потом о чём рассказать друзьям и подружкам – таким же чокнутым и ненормально-оригинальным, понятное дело...

Впрочем, после тщательного осмотра кустов ракитника эта смелая и логичная версия рассыпалась – в пух и прах: никаких следов пребывания Глеба и Ольги там обнаружено не было.

– Ладно, пойдём на макушку вашего холма! – расстроено вздохнув, предложил Николаич. – Может, они незаметно вернулись к машине и, пользуясь метелью, спрятались где-то рядом с ней?

– А потом, дождавшись, когда я уйду в Шадрино, спокойно заехали и уехали? – понимающе подхватил Петька. – Типа, джип вовсе и не ломался, а был на ходу? Так, что ли, получается? В этом и заключена соль весёлого олигархического розыгрыша?

– Запросто!

«Ничего и не запросто!», – мысленно возразил Пётр. – «А как же тогда быть с ночным «реконструированным» венчанием, состоявшимся в церкви, которая уже много лет как лежит в развалинах?».

На вершине холма их ожидал очередной малопонятный сюрприз: японского внедорожника нигде не было видно, а на его месте лежал на боку, прислонившись широкими полозьями саней (вернее, обломками полозьев) к стволу старой рябины, неуклюжий возок, оббитый чёрной плотной кожей. Из крыши возка торчала, слегка перекосившись, толстостенная чугунная труба, оснащённая жестяным искрогасителем.

– Зимний капитальный вариант, даже предусмотрено печное отопление, – уважительно отметил Николаич, внимательно осматривая громоздкое сооружение. – Смотри-ка ты, а труба-то ещё тёплая! Следовательно, крушение транспортного средства произошло совсем недавно, часа полтора-два назад, может, три.... Господи, а крови-то сколько вокруг! Море разливанное, натуральное!

– Это не кровь, – механически поправил Петя, задумчиво пощипывая накладной ус. – А просто много ягоды нападало с веток рябины...

– За кого ты меня держишь, господин Великий Магистр? За неразумного чилийского лоха? – искренне возмутился Николаич. – Я что же, по-твоему, не отличу свежую кровь от рябинового сока? Кровь это, гадам буду.... Ага! Вон и труп валяется, с которого всё это натекло...

– Труп? Чей – труп?!

– Лошадиный, лошадиный.... Не переживай ты так, родной! Пойдём, взглянем, полюбопытствуем...

Метрах в двадцати пяти от кожаного возка из молоденького ельника, действительно, торчали – прямо в безоблачное голубое небо – чёрные конские копыта.

«Гнедая рослая лошадка, чёрный кожаный возок.... Ну, да, встречались этой ночью, как же, помню. Чуть не задавили меня тогда, заразы!», – вспомнил Пётр. – «А Глеб с Ольгой, стало быть, укатили.... Ну, шутники хреновы! Фантазёры, офигевшие в юмористической атаке! Отольется вам этот глупый и извращённый прикол. Ох, отольётся!».

– Скорее всего, лошадь – при столкновении со стволом рябины – сломала обе передние ноги, – вдумчиво предположил управляющий Нефёдова. – Потом её, беднягу, очевидно, пристрелили из жалости. В правом конском виске наличествует круглая дырка от пистолетного выстрела.... Ага, потом неизвестные пассажиры возка выпрягли двух оставшихся коняшек, сели на них верхом и – фьють! Ускакали...

– Да кто они такие, эти пассажиры? Откуда взялись?

– Какие-нибудь «реконструкторы» – типа вас. Мало ли всяких чудаков, любящих подражать героям Прошлого, живёт на этом свете? И не сосчитать.... Лошадей и возок они, естественно, арендовали. Например, в Жабино, это всего лишь в трёх километрах от Шадрино. Там тоже нынче выстроено полноценное поместье – с большой конюшней, дельной псарней и, даже, с бревенчатой церквушкой, возведённой по старинным чертежам.... Правда, на шкуре безвременно усопшей кобылы имеется овальное клеймо с дурацкой надписью, мол: – «Конный заводь графа Орлова, 1809 годъ». Шутников развелось – как оголодавших комаров в берёзовом весеннем лесу. Иосифа Сталина на них, безобразников, нет.... Наши дальнейшие действия, господин Великий Магистр?

– Мобильная связь так и не восстановилась?

– Никак нет! Полная тишина в эфире, словно бы все космические спутники одновременно вышли из строя.

– Едем к палатке профессора! – принял решение Пётр. – Вдруг, у нашего чокнутого уфолога имеются свежие новости?

Николаич газанул, микроавтобус, отчаянно и надсадно взревев, выехал на просёлок.

– Едем вниз, на первом перекрёстке уходим направо, – коротко пояснил Петька. – Дальше я покажу...

А про себя он, целенаправленно борясь с откровенной паникой, рассуждал: – «Если, всё же, произошёл обещанный Иваном Фёдоровичем пробой во Времени? Глупость, конечно же, полная и безрассудная.... Но, если предположить – только на пару-тройку минут? Просто так предположить, без всяких далеко идущих последствий.... Тогда получается, что я примерно час провёл в самом начале 1812-го года. Причём, даже успел жениться – на девушке с небесными, невероятно синими глазами.... Ладно, не стоит излишне увлекаться нездоровыми фантазиями. Не стоит, честное слово! Была обычная литературная «реконструкция», не более того. Повторяю, не более того! Овальное графское клеймо на лошадиной шкуре? Чей-то глупый и несмешной прикол, понятное дело.... Сейчас и уважаемый профессор Гафт это непременно подтвердит. По крайней мере, было бы совсем неплохо, чтобы он всё подтвердил и успокоил...

Остановив микроавтобус у кромки глубокой канавы будущего газопровода, они поднялись на пологий холм и вскоре вышли к приметной красно-бурой палатке.

На прежнем месте догорал, загадочно мерцаая бордовыми и аметистовыми углями, ленивый костерок, рядом с которым и обнаружился старенький профессор, сидящий, безвольно уронив руки к земле, на толстом берёзовом чурбаке. Лохматая голова уфолога была наклонена к заснеженной земле, седая борода-клинышек покоилась на хилой груди, облачённой в старенький ватник, дужки очков торчали из ближайшего сугроба – метрах в трёх с половиной от костра. Вокруг безраздельно властвовала чуткая и тревожная тишина.

– Он живой? – забеспокоился Пётр.

– Живее не бывает, – успокоил Николаич. – Храпит, дай Бог каждому! И, это..., перегар ощущается характерный, сивушный. Алкоголик учёный, мать его! Тьфу, да и только!

Управляющий Нефёдова, присев перед сугробом, подобрал очки, старательно протёр их стекла о собственную штанину и аккуратно водрузил оптическое приспособление на длинный нос Ивана Фёдоровича. После чего строго скомандовал:

– Рота, подъём! Тревога! Общее построение! В ружьё!

Профессор дисциплинированно вскочил на ноги, вытянулся в струнку и, испуганно глядя на неожиданных посетителей дикими со сна глазами, доложил – на удивление дельно:

– Старший лейтенант запаса Гафт! На вверенном мне важном объекте всё спокойно! Никаких негативных происшествий не наблюдалось! Готов к труду и обороне!

– Это хорошо, что готов, – ехидно улыбнулся Николаич. – Вольно, служивый! Расслабься и успокойся. Садись обратно на свой чурбачок.... Сел? Скажи-ка, старший лейтенант, не заглядывал ли к тебе на уютный огонёк – уже после рассвета – господин Нефёдов? В сопровождении юной и прекрасной спутницы, так сказать?

– Нефёдов? Это который известный местный олигарх и буржуй? Не имею чести – быть знакомым с ним...

– Имеются в виду – Глеб и Ольга, – доходчиво пояснил Пётр. – Иван Павлович, вы меня узнаете?

– О, господин Пьер! – обрадовался старик. – Конечно же, узнаю! Глеб и Ольга? Нет, они сегодня не удостоивали меня визитом. Как вы тогда ночью уехали в Ненародово, так и всё – больше я их не видел. Они что же, потерялись? Наверное, просто уединились в каком-нибудь спокойном уголке, подальше от чужих, не в меру любопытных глаз. Дело молодое. Я сразу, с первого же взгляда понял, что между ними имеются любовные отношения. Очень симпатичная пара, знаете ли...

А вот глаза профессора были какими-то странными и умоляющими, будто бы хотели сказать нечто совсем другое.

– Николаич, будь другом, осмотри внимательно палатку! – непринуждённо попросил Петька. – Вдруг, да обнаружится там чего интересного...

Дождавшись, когда управляющий Нефёдова отойдёт от них, пожилой уфолог сбивчиво и горячо зашептал:

– Пьер... Тут такое произошло. Такое... Вы-то, сразу видно, что свой. В том смысле, что человек мыслящий, не закоряченный в убожестве общепринятых штампов. Наверное, поймёте меня правильно. А, вот, ваш сегодняшний спутник... Право, не знаю, можно ли при нём рассказывать обо всём? У данного субъекта глаза такие нехорошие... Холодные, очень колючие и бесконечно-недоверчивые...

– Пожалуй, действительно не стоит излишне откровенничать с малознакомыми людьми, – подумав пару-тройку секунд, согласился Пётр. – Ничего, я непременно что-нибудь придумаю.

Вернувшись, Николаич отрицательно помотал головой и с неприкрытой досадой сообщил:

– Нет там абсолютно ничего интересного! Приборы всякие шумят-гудят, лампочки – как сумасшедшие – мигают всеми цветами радуги, самописцы шуршат. Хрень сплошная, как любит выражаться известная вам Ольга... Ещё, ко всему прочему, деревенской самогонкой там воняет нестерпимо. А на раскладном столике бурый мышонок старательно обкусывает шмат сала. Наглый такой, деловой до неприличия, на меня не обратил ни малейшего внимания... Куда, Магистр, дальше поедём?

– Сделаем так, – усиленно погоняя по лбу задумчивые морщины, предложил Петька: – Ты, Николаич, поезжай-ка к Московскому шоссе. Вдруг, в том районе работает мобильная связь? Попробуй дозвониться до Глеба Сергеевича и узнать, куда они с Ольгой подевались. И, главное, когда, в конце-то концов, уже наиграются в «жениха и невесту» и перестанут валять дурака? А потом возвращайся в Ненарадово... Я же останусь здесь, в гостях у профессора, с ночёвкой.

– Зачем с ночёвкой? Я на обратном пути могу заехать и забрать. Без всяких проблем, честное слово.

– Сам же говорил, что, мол, завтра с раннего утра начнут съезжаться «реконструкторы». Говорил?

– Ну, было дело...

– А если, опять начнутся всякие и разные магнитные аномалии, и мобильная связь так и не восстановится? Значит, все прибывающие «реконструкторы» будут блуждать – между этими газопроводными канавами – как двухдневные слепые котята... Я же завтра – сразу после раннего завтрака – спущусь с холма на дорогу, туда, где сейчас стоит твой микроавтобус, разожгу большой костёр, и всем заблудившимся буду подробно объяснять правильный маршрут. То есть, через ровное поле с озимыми к Шадрино и далее. А уже вечером – с последними «реконструкторами» – я заявлюсь в Ненарадово и отдохну по полной программе: с жаркой баней, хорошим вином и белоснежными простынями...

– Дельная мысль! – посветлел лицом Николаич. – А то я уже стал немного нервничать и сомневаться – относительно завтрашнего дня. Мол, как же я справлюсь со всеми делами сразу? И многочисленных гостей надо принимать-обустраивать. И «потеряшек» искать-собирать по всей округе... Спасибо, Великий Магистр, выручил! Должок за мной.

– Не стоит благодарности! Свои же люди, как говорится. Сегодня я тебе помогу, завтра ты меня – в очередной раз – вытащишь из-под льда...

Николаич, крепко пожав на прощанье Петьке руку и с ярко-выраженным недоверием посмотрев на уфолога, упруго зашагал с холма по направлению к оставленному у канавы микроавтобусу.

– Надо немного подождать. То есть, убедиться, что этот подозрительный тип уехал по-настоящему, – сделав «большие глаза», прошептал профессор и тут же предложил, как ни в чём не бывало: – Может, пока суд да дело, усугубим слегка? То бишь, накатим по рюмашке, а? Всего по одной? Например, за новую приятную встречу...

– Ни в коем случае! – Пётр почувствовал, как от внезапно подступившей злости даже слегка заledenели кончики пальцев рук. – Отменяется самогон! Раз и навсегда! Совсем! Пьянству – бой!

– Зачем же так кричать?

– Затем, дорогой мой Иван Павлович! Затем, что после твоей волшебной самогонки мне сегодняшней ночью такое привиделось.... Или – не привиделось? Было взаправду, то есть, на самом деле? Вот и пойми-разберись теперь! А ты говоришь, мол, накатим по рюмашке.... Не будем, старина, усугублять! Ни к чему это сейчас, поверь.

– Ну, нет, так и нет! Может вы, Пьер, и правы. Алкоголь – штука коварная и неверная.... Я и сам не верю до конца в то, что видел сегодня на рассвете. Вот этими самыми глазами видел, а до сих пор терзают сомнения.... Было? Не было? Может, это белая горячка приходила ко мне в гости?

Наконец, до их слуха долетел едва слышимый шум работающего автомобильного мотора и – через полминуты – затих.

– Рассказывай, заслуженный уфолог! – нетерпеливо велел Пётр. – Не томи, почётный академик!

– Ваша фамилия – Бурмин? – неожиданно спросил старик.

– Бурмин. А откуда ты знаешь?

– Я и не знаю. Просто – догадался...

– Говори всё, как есть, не ходи – вокруг да около. Сегодня меня, очень похоже, ничем невозможно пронять, удивить и поразить.

– Так, уж, и ничем?

– Абсолютно!

– Тогда слушайте, – Иван Павлович задумчиво сплюнул в сторону. – На рассвете ко мне заявились двое необычных гостей. Как выяснилось чуть позже – «гостей» из января 1812-го года.... Не удивляетесь, не посылаете к чёрту, не ржёте, как умалишённый? Почему, собственно? У вас такие крепкие нервы? Как стальные корабельные канаты, перевитые вольфрамовыми нитями? Обидно, даже, немного! Ладно, продолжаю.... К моей палатке они подошли пешком. Но где-то невдалеке ржали – видимо, привязанные к стволам деревьев – лошади. Один из посетителей назвался ямщиком на государственной службе, жителем здешней деревушки Жабино. Другой, наоборот, представился гусарским подполковником. По имени – Пьер Бурмин, – профессор многозначительно замолчал.

– Этот гусарский подполковник похож на меня? – глядя в сторону, равнодушно спросил Пётр.

– Чувствуется определённое родство, вернее, общая порода. Так, по крайней мере, мне показалось.... Волосы того же цвета, усы-бакенбарды, похожая форма носа.... Только он гораздо моложе вас, лет двадцать с небольшим от роду. Чуть выше ростом, и не такой, э-э-э...

– Не такой жирный, щекастый и неуклюжий?

– Ну, да. Ещё мундир.... У вас он какой-то «не настоящий»...

– Ничего удивительного. Мой «маскарадный костюм» собран, что называется, с миру по нитке. С нарушением некоторых нюансов и правил. Что отыскалось по-быстрому, то и надел.... Это очень заметно?

– Сразу бросается в глаза! – подтвердил уфолог. – У того Бурмина всё новехонькое, цельное, одно к одному. Смотрится очень достоверно и эстетично.... Короче говоря, он гораздо «большой» гусар, чем вы, мон шер. Извините покорно...

– Ничего, я совсем не обидчивый! Лучше скажи, Иван Палыч, куда подевались твои «гости» из Прошлого? Прячешь где-нибудь в густых кустах от любопытных глаз?

Профессор достал из мятой пачки сигарету без фильтра и, щёлкнув дешёвой газовой зажигалкой, прикурил. Сделав – подряд – три глубокие нервные затяжки, он расстроено показался:

– Если бы – спрятал! Прошляпил я свою «голубую птицу». Проспал, проворонил, упустил.... Скрылись долгожданные «гости» в неизвестном направлении. Где их теперь искать? Ума не приложу...

– Можно рассказать по-человечески? Более подробно и развёрнуто?

– Сразу же стало понятно, что про 1812-ый год они не врут.... Нет, я не спрашивал в лоб. Как можно? Я что, деревянный по уши и не знаю основ психологии? Это подполковник сам в разговоре случайно обмолвился, мол: – «Встретил – две недели назад – новый 1812-ый год, а теперь тороплюсь в прибалтийское Вильно, где мой гусарский полк стоит на зимних квартирах...». Веяло от этих двоих типов чем-то таким – странным, таинственным и незнакомым.... Деятнадцатым веком, короче говоря!

– И ты им тут же и бухнул, мол: – «Добро пожаловать в октябрь 2012-го года, дорогие господа и товарищи!», – прозорливо предположил Петька.

– Плохо же вы думаете обо мне! – уфолог тщетно попытался изобразить на физиономии смертельную обиду, но быстро скис: – Сообщил, конечно же.... Но, подчёркиваю, не сразу!

– Небось, для затравки интересной и продуктивной беседы угостил ребятишек из Прошлого ароматным и незабываемым самогоном?

– Откуда вы знаете? Ах, да, конечно. Какой глупый вопрос.... Только прошу учесть, что «гости» очень замёрзли! У подполковника из носа – бойким ручейком – текли самые настоящие сопли, и он крайне неаккуратно вытирал их рукавом своего нарядного, э-э-э...

– Ментика, – любезно подсказал Пётр.

– Наверное. Вам виднее.... Значит, мы – прямо здесь, возле костра – немного выпили, закусили. То есть, по два пластиковых стаканчика.... После чего я, как вы выражаетесь, и бухнул – про двадцать первый век.

– Поверили?

– Естественно, нет! То бишь, сперва.... А потом я отвёл их в палатку, показал приборы, датчики, самописцы и всякие книжки с цветными картинками. Ещё карманный фонарик, зажигалку, термос, примус, работающий на сменных газовых баллончиках, мясные и овощные консервы, йогурт, ещё – по мелочам.... Знатно проняло «гостей»! Ямщик, тот, вообще, грохнулся в обморок. А подполковник-то ничего, крепким оказался: только побледнел – как накрахмаленная гостиничная простыня – и начал грязно выражаться.

– Дальше что было? Не прерывай, пожалуйста, старина, нити своего увлекательного повествования.

– Есть, не прерывать! Впрочем, больше – особо – и не о чем рассказывать...

– Усугубили неожиданную и сногшибательную новость крепким деревенским самогоном?

– Ну, в общем и целом.... Привели по-быстрому ямщика в чувство, перебрались обратно к костру, выпили, закусили. Я, похоже, задремал.... Очнулся, а нет никого рядом! Прошёл к тому месту, где лошади ржали. Всё точно: и людские следы имеются, и конские. По отпечаткам подков стало ясно, что «гости» прибыли с востока, со стороны Шадрино, а усаkali на запад – скорее всего – к Малоярославцу.

– А ты, стало быть, вернулся к костру, и – с расстройства – ...

– Усугубил, понятное дело. С расстройства, да от досады с обидой...

Вскоре профессор встрепенулся и, с надеждой поглядывая на собеседника, спросил:

– А с вами, Пьер, что приключилось? Оно, часом, не имеет отношения к пробую во Времени? Имеет? Рассказывайте, рассказывайте же!

Пётр подробно и вдумчиво поведал о своих «приключениях». О неожиданной аварии и о таинственном исчезновении Глеба и Ольги. О сиреновой бесшумной метели и о тройке гнедых, чуть не затоптавших его ночью. О литературной «реконструкции» пушкинской «Метели» в старинной бревенчатой церквушке, которой – на самом деле – давно уже нет, и о неожиданном утреннем изменении архитектурных особенностей деревушки Шадрино-Жадрино...

Иван Павлович слушал Петькину историю бесконечно внимательно и жадно, зачарованно покачивая головой и чуть приоткрыв – видимо, от удивления – щербатый рот. По окончании рассказа он рефлекторно закурил очередную сигарету и, прикрыв глаза, погрузился в глубокие раздумья.

Минуты через три-четыре Пётр решил прервать затянувшееся молчание. Громко и настойчиво покашляв, он строгим и решительным голосом потребовал у уфолога дать хоть сколь-нибудь разумные объяснения всему произошедшему.

– Вы сказали – разумные? – педантично уточнил профессор. – Что же, как будет угодно! Итак, прошедшей ночью мои приборы и датчики зафиксировали сильнейшие магнитные аномалии, вызванные выходом на земную поверхность вторичных боковых осей.... Можно, я опущу скучные научно-специфические подробности? Спасибо! В результате этих аномалий и произошёл – аномальный же – пробой во Времени. То есть, Временные потоки тесно и плотно переплелись между собой. Что, в свою очередь, позволило, э-э-э, некоторым обитателям одних Времён – невзначай переместиться в другие.... Примерно так, если совсем коротко и сжато.

– Что мы имеем – на этот момент – в результате? Так сказать, в сухом остатке?

– В сухом остатке.... Во-первых, двое жителей девятнадцатого века – вместе с конной повозкой – внезапно оказались в веке двадцать первом. Одна лошадка погибла при этом? Несущественно, на мой взгляд. Элементарная досадная случайность. Неизбежные издержки.... Но, как известно, никто не отменял закона сохранения энергии. В данном случае – «энергии» – в широком и глобальном понимании этого термина.... Следовательно, во-вторых, можно смело предположить, что Глеб и Ольга – вместе (или по отдельности?) с японским внедорожником – переместились в далёкое-далёкое Прошлое. Произошёл «честный обмен», как я это называю.... Заметьте, погибла лошадь, принимавшая непосредственное участие в этом «обмене», но и современный джип – при временном перемещении – разбился весьма серьёзно. Так сказать, очередное подтверждение моей элегантной теории...

– Вы это серьёзно, профессор? – забеспокоился Пётр, уважительно переходя на «вы». – Не шутите? Не прикалываетесь?

– Ни капли! Истинная наука, молодой человек, дама безмерно упрямая, и людских шуточек совсем не понимает. Наоборот, она и сама иногда любит немного поохмить. Причём, так смешно и тонко, как нашим телевизионным юмористам и не снилось.... Ну, теперь-то вы созрели – на рюмашку-другую? В честь нашего совместного, великого научного открытия, сулящего всему человечеству отнюдь нешуточные перспективы?

– Пожалуй, что и созрел...

После коротких, но плодотворных самогонных возлияний оба собеседника впали в тихую задумчивость.

Через некоторое время бывший профессор новосибирского Университета многозначительно поморщился и предположил:

– Готов дать на отсечение свою правую руку, дорогой Пьер, что мы с вами думаем об одном и том же.

– О чём, если не секрет?

– О том, что есть же ещё и вы, посетивший 1812-ый год и успешно вернувшийся обратно. Ведь всё это, если вдуматься, совсем не просто так. В аналогичных случаях незабвенный Вини Пух – мой самый любимый литературный герой – выражался весьма показательно: – «Это «ж-ж» – неспроста!». А вы – как считаете?

– Это точно, что неспроста, – вяло откликнулся Пётр. – Я же, если вы помните, изволил ещё и обвенчаться с Марией Гавриловной, очень милой и славной девушкой.

– Вот именно! – подхватил уфолог. – Причём, обвенчались с соблюдением всех правил и нюансов этого священного православного обряда. Она теперь ваша законная жена – перед Богом и людьми...

– Продолжайте, Иван Фёдорович, продолжайте!

– Я думаю, что вы должны вернуться. Да, что там, просто обязаны!

– Вернуться? Но куда, собственно? На развалины церквушки?

– Нет, в январь 1812-го года.

– Но, как?

Профессор, не спрашивая у Петьки разрешения-согласия, снова наполнил пластиковые стаканчики мутно-жёлтой ароматной жидкостью и важно объявил:

– Приборы однозначно показывают, что сегодняшним вечером – с большой долей вероятности – магнитные аномалии повторяются. Следовательно, и во Времени может произойти очередное пространственное смещение.... Понимаете меня, молодой человек?

– Понимать-то понимаю.... Но это ведь означает, что мне придётся навсегда переселиться в девятнадцатый век?

– Совсем необязательно. Я почему-то уверен, что существенные магнитные аномалии – в данной конкретной местности – будут наблюдаться ещё с неделю.... А, может, вам так понравится в 1812-ом году, что вы захотите там остаться? Навеки поселиться, образно выражаясь.... Почему бы и нет? Вы же, батенька, «реконструктор», чёрт побери! Утверждаете, что очень любите историю.... Разве нет? А тут вам предоставляется такая шикарная и редкая возможность – по-настоящему окунуться в Великую эпоху! Лично наблюдать за легендарным Бородинским сражением! А потом – поход на Париж, Елисейские поля, Монмартр, прочие прелести.... Эх! Я вам, право, даже немного завидую!

– Может быть, тогда рванём вместе? – то ли в шутку, то ли всерьёз предложил Петька. – Будем здесь бродить – по долам и весям – и старательно искать лилово-фиолетовую, совершенно бесшумную метель.... Вы не так одеты? Ерунда ерундовая, не берите в голову! Будете играть роль моего верного денщика. Что, не хотите идти в халдеи? Ладно, назначаю вас моим престарелым двоюродным дядюшкой, слегка свихнувшимся на разных околонаучных штуковинах. Согласны?

– Я бы – с огромным и всенепременным удовольствием! – от души загрустил Иван Фёдорович. – Но вынужден отказаться, благородный Пьер, от вашего заманчивого и, безусловно, интересного предложения...

– Почему?

– А как же мои приборы, датчики и самописцы? Кто-то ведь должен всё это зафиксировать, записать, оформить и задокументировать по всем правилам? Не так ли? Вот, то-то же, молодой человек! Долг каждого настоящего учёного – выполнять, умерив излишнее любопытство, свои прямые должностные обязанности. Сколь скучными они не были бы...

– Что же, дорогой мой академик, это был ваш выбор, – Пётр приподнял стаканчик с самогонкой в приветственном жесте. – Итак, предлагаю выпить за то, чтобы все наши многочисленные приключения и эскапады всегда завершались достойно, успешно и...

– И с минимальными людскими потерями, – подсказал профессор. – А милой и славной Марии Гавриловне передавайте от меня горячий и сердечный привет! Ну, и искренние пожелания – истинного супружеского счастья...

Глава шестая

Зелёная молния и приятель из Прошлого

Часа в три пополудни небо – прямо на глазах – начало хмуриться. Вскоре с востока пришли-приползли плотные, грязно-серые облака, из которых незамедлительно на землю полетели, кружась плотным и беспокойным роем, крупные белые «мухи». Стайки весёлых лимонно-жёлтых синичек, с самого утра бодро и радостно перепархивающих вокруг красно-бурой палатки, куда-то запропали.

– Может, улетели к ближайшему густому лесу, – предположил Петька. – А, может, спрятались в снегу. То бишь, нырнули – головами вперёд – в высокий сугроб. Я где-то читал, что животные и птицы загодя чувствуют приближение серьёзной непогоды...

Потом задул-загудел, постоянно и планомерно усиливаясь, северо-западный рваный ветер. Полпятого над землёй понеслась лёгкая весёлая позёмка, обещающая в самом скором времени превратиться во всесильную и тревожную метель.

Пётр, расстегнув молнию полога, вошёл в палатку, где ровно и сыто гудел, обогревая бесценные приборы и датчики, компактный газовый примус. Раздвижной столик – вместе с примусом и тускло горящей керосиновой лампой – был задвинут в дальний торец, а в проходе между стеллажами размещалась допотопная раскладушка, на которой беззаботно похрапывал, высунув длинный нос из спального мешка, достославный профессор Гафт.

– Иван Павлович! – Петька настойчиво потряс спящего за плечо. – Вставай, родимый! Дело есть!

– Что за дело? – недовольно заворчал уфолог. – Никакого тебе покоя, надоеды противные! Опять заявились «гости»? Сам с ними, Пьер, разбирайся, проводи вежливые и правильные беседы, не маленький. А мне спать очень хочется.... Имею я право на отдых, или как? Ну, будь ты человеком! Мне ещё всю ночь дежурить, костёр поддерживать...

– Вставай, вставай, соня уфологическая! Метель уже начинается. Что говорят твои умные приборы, а? Поднимайся! Смотри у меня, сейчас свежего снежку сыпану за шкуру...

Минут через пятнадцать-двадцать Иван Павлович, смущённо позёвывая устоявшимся алкоголем, объявил:

– Прав ты, Петруша. Начинается. Частотные амплитудные колебания уже вышли за верхнюю границу. Примерно через час-полтора будет достигнут максимум. Собирайся, дружок.... Может, на посошок? Помнишь, ваша Ольга говорила, что, мол, никогда нельзя нарушать старинные народные традиции? Мол, Иваны мы, родства непомнящие, или как? Ещё одну бутылочку я тебе выделю с собой. Угостишь там, в славном девятнадцатом веке, кого-нибудь достойного, или там – достойную...

– Это уже лишнее, – грустно усмехнулся Пётр. – Я про «бутылочку с собой». Думаю, что в российской глубинке 1812-го года деревенской самогонкой никого удивить невозможно.

– Неправильно так думать! Мой-то самогон особый, очищенный с помощью модульной центрифуги седьмого поколения. Таким благородным напитком и заносчивых аристократов попотчевать не зазорно. Бери, бери, пока я не передумал...

Пётр дотошно и аккуратно застегнул все пуговицы на полушубке и натянул на ладони рук шерстяные перчатки, презентованные на прощанье заботливым Иваном Павловичем.

– Ты держись там, Петруша! – просил старенький профессор, обнимая приятеля (раз собутыльник – значит и приятель). – Не посрами, ужо, современную Россию-матушку.... Стой! А на ноги не забудь навернуть толстые фланелевые портянки, чтобы пальцы ненароком не отморозить. Вдруг, в Прошлом сейчас зверствуют лютые морозы?

– Не посрамлю, Палыч, не посрамлю! – искренне обещал Петька, тщетно пытаясь отодвинуть не в меру сентиментального уфолога в сторону. – Ты прекращай, пожалуйста.... Ха-ха-ха! Извини, старина, но у тебя слёзы такие щекотные....

На западе коротко сверкнула изломанная, светло-зелёная молния.

– Не нравятся мне эти цветные электрические разряды! – заявил Иван Павлович. – Что им тут надо? Тем более, зимой?

Итак, Пётр пошёл прежним, уже хорошо знакомым маршрутом – с конечной точкой в деревне Шадрино-Жадрино. Путь был неблизким, порядка семнадцати-восемнадцати километров. Но нашего героя данный факт несколько не смущал. Во-первых, так была выше (теоретически) вероятность встречи с фиолетовой бесшумной метелью. Во-вторых, он особо и не торопился, будучи в глубине души уверенным, что всё уже заранее предопределено Судьбой, и чему быть, тому уже не миновать. И, в-третьих, тучным и пухлым людям, как известно, много ходить пешком – очень полезно для здоровья...

Он неторопливо и размеренно шагал, внимательно – насколько это позволяла снежная круговерть – поглядывая по сторонам, и размышлял о всяком разном, изредка включая-выключая карманный фонарь. На первом перекрёстке свернул налево, начиная затяжной подъём. Петру было достаточно тепло и комфортно, даже ноги в тоненьких гусарских ботиках, благодаря фланелевым портянкам Палыча, почти не мёрзли.

А вот метель, сволочь драная и лохматая, никак не желала меняться: всё завывала, визжала, плакала и безостановочно бросала в лицо пригоршни холодного и колючего снега. Причём, исключительно белого, без малейших оттенков сиреневого и фиолетового...

«Итак, братец, считаю, что надо подбить некоторые промежуточные итоги. Сориентироваться на скорую руку, так сказать, в мыслительном пространстве...», – напомнил о своём существовании дотошный внутренний голос. – «Что, собственно, ты задумал? Куда идёшь так целеустремлённо и уверенно? Зачем? Какие преследуешь цели и задачи? Конечные, промежуточные?».

– Куда иду, цели и задачи, понимаешь..., – хмуро пробурчал Петька, старательно прикрываясь рукавом полушубка от резких порывов противного северо-западного ветра. – Иду я, как легко догадаться, в январь 1812-го года. Цели и задачи? Отыскать там прекрасную Марию Гавриловну и.... Ну, первым делом, извиниться перед ней за произошедший казус. То есть, за венчание, сопровождавшееся несанкционированной заменой жениха.... Потом, э-э-э.... Объясниться в любви, наверное. А после этого уговорить Машу – проследовать вместе со мной в цивилизованный двадцать первый век.... Уговорить? Если что, то и настоять! Я же, как не крути, не чужак с безымянной горы, а муж венчанный, в конце-то концов. Чёрт побери! Ну, и последнее дело остаётся.... А, именно, снова найти – уже вдвоём – сиреневую бесшумную метель, и успешно вернуться в 2012-ый год. Придумать что-нибудь с легализацией Марии. Например, занять у Глеба денег и купить ей полновесный комплект необходимых документов. По телевизору уверяют, что это дело плёвое и не очень дорогое.... Впрочем, зачем, собственно, занимать? Пусть это будет свадебным подарком со стороны Нефёдова! Он же, в конце концов, к произошедшим событиям имеет самое непосредственное отношение. Вот, пусть и поможет, раз называет себя другом.... Чай, не обеднеет, олигарх местечковый...

Иногда Петру казалось, что сзади – по его следам – кто-то крадёт. Несколько раз, выждав подходящий момент, он резко оборачивался, но ничего странного и подозрительного не замечал. Перед глазами был только тёмно-серый, призрачный и слегка подрагивающий вечерний сумрак, до самых краёв наполненный бесконечной тревогой. Но ощущение чужого незримого присутствия упорно не оставляло...

– Наверное, местная бродячая собака вышла перед сном на ежевечерний променад, – шёпотом успокаивал он сам себя. – Или безвредная рыжая лисичка любопытствует, временно позабыв о мышиной охоте...

Окончательно стемнело. Дальше он уже шёл, беспрестанно подсвечивая себе карманным фонариком.

«Не дай Бог, батарейки сядут!», – мысленно печалился Петька. – «Тогда, точно, хана. Процент девяносто пять – из ста, понятное дело – что обязательно заблужусь и замёрзну под заснеженным ракизовым кустом.... Кстати, я уже отмахал километров двенадцать-тринадцать. Значит, скоро выйду на вершину холма, где японский внедорожник Глеба столкнулся с толстым стволом старой рябины. То есть, где теперь валяется слегка подмёрзший труп гнедой лошади.... Ага, там же и зимний кожаный возок лежит на боку! На боку? Ну, и что из того? Всё равно, наверняка, в него можно будет забраться и немного отдохнуть-оттаять от лютых зверств настырной метели. Может, удастся и печку как-нибудь разжечь?».

Неожиданно всё вокруг наполнилось ярким, светло-зелёным светом. По глазам – словно бы – провели острой бритвой. По ушам звонко ударила, грозя разорвать барабанные перепонки на мелкие кусочки, звуковая волна. В голове образовалась скучная серая пустота, уже через мгновение-другое преобразовавшаяся в безысходную черноту....

Понимая, что падает в обморок, Пётр успел подумать: – «Это, наверное, зелёная зимняя молния шандарахнула где-то рядом. Вот же, непраха подмосковная, злая...».

Сознание возвращалось медленно и неохотно. В ушах тоненько и нудно звенело-плакало. Перед глазами плыли, медленно расходясь в стороны, оранжевые, бордовые и фиолетовые круги. Нестерпимо воняло сероводородом и горелой шерстью.

– Ерунда ерундовая, – тихонько пробормотал Петька. – Главное, что живой. Всё остальное – даже вместе взятое – не стоит и выведенного яйца...

Он, борясь с подступающей тошнотой, медленно встал на четвереньки, старательно проморгался и отчаянно потряс головой.

«Что-то не так!», – забеспокоился недоверчивый внутренний голос. – «Во-первых, голове как-то непривычно свободно. Может, кивер слетел? Во-вторых, этот мерзкий запах.... Чёрт, это же тлеет воротник тулупа!».

Пётр неуклюже вскочил на ноги, голова предательски закружилась, и он с огромным трудом, избегая очередного падения, удержал равновесие. Постоял – с широко расставленными ногами – несколько секунд, окончательно приходя в себя, после чего занемевшими пальцами принялся торопливо расстегивать непослушные пуговицы.

«Надо бы – для эффективной борьбы с головокружением – нюхнуть нашатырного спирта», – заботливо посоветовал внутренний голос. – «Только вот...».

Шею болезненно и резко обожгло, но к этому моменту с пуговицами было уже покончено, и вскоре огнеопасный полущубок оказался в высоком сугробе.

– Блин горелый, мать его! – от души, в полный голос ругался Пётр, крепко прижимая ладонь правой руки к ожогу на шее, а подошвами ботишков усердно нагребая на дымящийся воротник тулупчика свежий снег. – Если не везёт, так сразу на всех фронтах! Неужели – пошла чёрная полоса?

Заумная философская теория о том, что жизнь (вернее, жизненный Путь) состоит из чередующихся разноцветных полос, была его любимым «коньком». Правда, в непростом Петькином случае, всё сводилось лишь к двум цветам – серому и чёрному. С белыми и иными жизненными полосами ему ещё – на сорокалетнем тернистом жизненном Пути – как-то не доводилось сталкиваться...

Пётр вытащил из кармана ментика карманный фонарик, включил его и медленно поводил – светло-жёлтым лучом – из стороны в сторону. Минуты через полторы обнаружился пропавший гусарский кивер, чей чёрный кожаный бок стыдливо высывался из дальнего сугроба.

Подойдя, Петька бережно извлёк из глубокого снега свой гусарский головной убор. Вернее, то, что осталось от него: на месте пышного белого султана из страусовых перьев и нарядных этишкетов красовались только безобразно-обгоревшие комки и неаппетитные чёрные обрывки, кожаный же ремешок, пропускаемый под подбородком, и вовсе отсутствовал.

– Вот же, испортил чужую хорошую вещь! – огорчился Петька. – Теперь, наверняка, надо будет Науму Абрамовичу деньги отдавать. Долларов двести пятьдесят запросит, морда жадная! Придётся опять занимать у Нефёдова. Без отдачи – как и всегда – понятное дело.... Стыдно, конечно. Да, ладно.... Только сперва надо найти вышеозначенного Глеба. А где, прикажете, искать? Не, точно, чёрная полоса стартовала....

Держа в одной руке включённый фонарик, в другой – остатки кивера, и чуть покачиваясь, Пётр медленно двинулся (заковылял, еле передвигая ноги) к вершине холма, до которой оставалось – рукой подать.

Метель, тем временем, стала постепенно слабеть, на глазах превращаясь в пургу средней руки. Или, может быть, в порошу (вьюгу?) – с элементами обыкновенной позёмки? Сложный это вопрос – относительно точной классификации снежного зимнего безобразия.

Показалось? Или, действительно, сзади кто-то сдавленно и болезненно охнул-застонал, а, несколько секунд спустя, в призрачно-бледном луче карманного фонарика промелькнула – на сотые доли мгновения – неясная, бледно-серая тень?

Наверное, показалось....

На вершине холма, естественно, не обошлось без наглых фокусов неизвестных и могущественных Лицедеев.

Во-первых, в непосредственной близости от вершины до его слуха – сквозь визгливые и жалостливые завывания метели – долетели слова незнакомой, очень печальной и мелодичной песенки.

Мужской глубокий голос душевно выводил – под аккомпанемент скрипки и альта:

Сиреневый закат...
И розовый рассвет.
А в перерыве – ночь – сплошной ультрамарин.
Ты – снова не пришла,
А я – позвать – забыл...
И Ангел наш небесный,
Он – мимо пролетел...

Вновь – Мировое Зло?
Иль – глупости – полёт?
Не встретимся никак, уж, множество веков...
Быть может, мы живём
На перепутье снов?
Иль – множества миров?
Что параллельны все?

А за окном – пурга,
А, может, лишь – метель....
И смятая постель – как снег – белым бела....
Ответь мне: а зачем – живёшь ты без меня?

Ответь мне: а зачем – я без тебя живу?

Сиреневый закат....
И розовый рассвет.
А в перерыве – ночь – сплошной ультрамарин.
Ты – снова не пришла,
А я – позвать забыл...
И Ангел тихий наш
Вновь мимо пролетел...

«Это же про меня и милую Марию Гавриловну!», – мысленно охнул Петька. – «Это же мы – нечаянно и неожиданно – встретились через века и пространства! Знак Свыше, не иначе...».

Во-вторых, перевернувшийся чёрный кожаный возок и слегка подмёрзший труп гнедой лошади испарились без следа. А возле толстого ствола старенькой рябины стоял – как ни в чём не бывало – Глебов японский внедорожник: слегка припорошённый снежком, с наполовину выбитыми стёклами и работающей магнитолой, которая, впрочем, при приближении путника (путешественника во Времени?) надсадно захрипела и смущённо замолчала.

Светло-салатная крыша автомобиля, благодаря регулярным порывам северо-западного ветра, была почти свободна от снега, и на ней отчётливо – в тусклом свете карманного фонаря – были видны многочисленные, тёмно-красные точки.

– Сюрреализм, мать его точечную! – восхитился Пётр, подходя к джипу, прикоснулся пальцем к ближайшему тёмно-красному пятну и, осторожно лизнув испачканную подушечку пальца, констатировал: – Слегка повядшие на морозе ягоды рябины. Упали – в момент аварии – на крышу машины и, соответственно, прилипли.... Так, с этим всё более-менее понятно. Но, к сожалению, пока только с этим...

Он – руками и ногами – старательно отгрёб снег от левого бока автомобиля и с трудом приоткрыл переднюю дверцу. На водительском сиденье обнаружился невысокий снежный холмик-конус, из которого торчала чёрная рукоятка седельного пистолета.

«Это же мой пистолет!», – заторможено подумал Петька. – «Получается, что Глеб с Ольгой никуда не уезжали с места аварии? Получается, что так.... Ошибся уважаемый Николай Николаевич! Они, скорее всего, «провалились» в Прошлое. Там, в чистом поле, где необъяснимо оборвались их же следы.... А где сейчас я нахожусь? В 1812-ом году? Или же в 2012-ом? Непростая загадка. Очень непростая. Очевидно, чтобы её разрешить, придётся – как минимум – дожждаться рассвета. Что толку слоняться – не пойми где – в полной темноте? Тем более что фонарику осталось работать-светить минут пятнадцать-двадцать, не больше. Да и чёртова метель, судя по всему, понемногу стихает...».

Пётр, предварительно смахнув перчаткой снег, с комфортом устроился на водительском сиденье и звонко отщёлкнул крышку автомобильного «бардачка». Вдруг, да и отыщется что полезное – для решения текущих насущных проблем? Ведь чудеса – по клятвенным заверениям писателей-фантастов – редко, но случаются...

Всякие рекламные, ярко-аляповатые бумажки-картинки, деловые счета, транспортные накладные, потрёпанный детективный (ироничный) роман в мягкой обложке, вскрытая упаковка презервативов, две смятые пустые банки из-под пива.... А это что такое?

– Коробок со спичками! Ура! Нас ждёт живительный костёр! – восхищённо выдохнул Петька. – Вот, что значит – наличие устойчивых привычек. Пусть и насквозь негативных.... Ура!

Дело заключалось в следующем. Глеб Нефёдов был человеком некурящим, то бишь, без устали следил за своим драгоценным здоровьем: регулярно посещал тренажёрный зал, солярий, и, даже, напиваться – до полной потери ощущения реальности – позволял себе не чаще

одного раза в две недели. Но была у насковзь положительного Нефёдова одна, но пламенная (пагубная?) страсть – он безумно обожал посещать подпольные московские казино. Не мог без этого, и всё тут! Причём, регулярно и безнадёжно проигрывая... Какая, спрашиваете, существует связь между подпольными казино и серными спичками? Да, самая простая и прямая! Когда Глеб понимал, что очередной проигрыш неминуем и неотвратим – как первая гроза в мае месяце – он начинал жадно есть-пить всё то, что заведение предлагало своим постоянным клиентам бесплатно. А также беззастенчиво тырить по карманам всё подряд: пепельницы, спички, рюмки, шарики от рулетки, случайно выскочившие из колеса фортуны и упавшие на пол... Так сказать, основной олигархический принцип в действии: – «Когда деньги – мощным и неиссякаемым потоком – поступают в мощную купеческую, то можно и «в доброту» поиграться. А, ежели, значительный убыток налицо? Тогда берегись – вся округа! Зубами вырву последнее...».

Пётр, радостно улыбаясь, рачительно спрятал в боковой карман ментика спичечный коробок, снабжённый яркой этикеткой с гордой надписью: – «Подпольное казино «Мистраль» всегда к вашим услугам!», и отправился разжигать костёр.

Первым делом, он тщательно очистил от снега ровную площадку – с подветренной стороны – примерно в четырёх-пяти метрах от многострадального внедорожника. Потом наломал пару охапок сухих нижних веток с ближних сосёнок-ёлочек, отошёл в сторону от места предполагаемого костра и за пятнадцать-двадцать минут, сделав четыре полноценных рейса, притащил, тяжело сопя и отдуваясь, вдоволь разных толстых жердей-коряжин.

– Так, а бумаги-то и нет под рукой! – вспомнил Петька. – Как же без неё разжигать костёр? Воспользоваться берестой? Где же её взять – в хвойном лесу? Стоп! Как это – нет бумаги? А потрёпанная книжка в автомобильном бардачке? Должна же быть хоть какая-то польза от дамских детективных романов? Вот, сейчас и выясним! Сейчас-сейчас...

Однако, бумажные страницы, безжалостно вырванные из книги, почему-то (из природной женской вредности?) не желали загораться. Вернее, они загорались, но уже через пару-тройку секунд упрямо и безнадёжно тухли. Пришлось Петру, вспомнив навыки, полученные в розовой юности во время редких турпоходов, опять отправиться в лес и, подсвечивая «умирающим» фонариком, надрать с толстых стволов сосен несколько пригоршней сухого белого мха.

«Женщины – существа непонятные и, безусловно, вредные», – надоедливо шелестел внутренний голос. – «От них всегда следует ожидать подвоха. Или же просто – всяческих нелогичных неожиданностей...».

Как бы там ни было, но через некоторое время костерок, всё же, разгорелся. Дров он не жалел, и вскоре костёр разгорелся уже вовсю, сыто загудел и весело затрещал, щедро разбрасывая во все стороны снопы красно-алых искр.

– Пора остановиться, – решил Пётр. – В плане подбрасывания новых дров. Как бы джип того..., не рванул...

Снегопад прекратился, ветер стих, от долгожданного костра исходил нешуточный жар. Петька, смахнув в очередной раз крупные капли пота со лба, снял с плеч тулуп и легкомысленно сбросил его на снег. Подумав немного, он сходил в лесок, притащил ещё пару-тройку дельных брёвнышек и наспех изготовил из них некое подобие скамьи, на которую и уселся, задумчиво наблюдая за красно-оранжевым пламенем и бордово-аметистовыми углями костра.

Уже ближе к рассвету, когда на востоке заметно посветлело (посерело?), до его слуха долетело глухое конское ржание и далёкий бойкий перезвон колокольчиков-бубенчиков.

«Сейчас всё и определится!», – вынырнул из сладкой дрёмы настойчивый внутренний голос. – «В смысле, относительно нашего истинного расположения во Времени...».

Пётр вскочил на ноги, зачем-то поочередно потрогал ладонью эфес сабли, висящей на левом боку, и рукоятку незаряженного седельного пистолета, размещенного за кушаком, после

чего замер в ожидании, прислонясь к толстому стволу ближайшей сосны. А, собственно, что ему ещё оставалось делать? Только покорно и терпеливо ждать...

Вскоре из загадочного предрассветного сумрака вынырнула, в сопровождении залиистой колокольной мелодии, тройка голенастых каурых лошадок, за которой угадывался санный возок. Точная копия вчерашнего, с гордо торчащей из крыши чугунной печной трубой, но только обшитый не чёрной, а тёмно-рыжей – в ярких отблесках костра – кожей.

«И что мне теперь делать? Как себя вести? Что говорить-рассказывать? Кто подсказет?», – всерьёз затосковал Петька. – «Кого это черти принесли на своих тоненьких хвостах? Очередных «реконструкторов»? Или, быть может, мирных жителей первой четверти девятнадцатого века? Ладно, разберёмся! Чай, не тупее тупых...».

Странно, но он – в повседневной жизни – обыкновенный и ничем непримечательный экономист столичного «Водоканала», целенаправленно чужающийся всяких неожиданностей и неясностей, сейчас чувствовал острейший охотничий азарт – от предстоящей встречи с Неизвестностью. В солнечном сплетении – рядом с сердцем – неожиданно потеплело, будто бы туда поместили яркий уголёк из походного костра, а в висках, наоборот, появились – невесть откуда – холодно-разумные льдинки.

«Прорвёмся, братишка!», – оптимистично заверил внутренний голос. – «У главных героев – всяких и разных – остросюжетных приключенческих романов всегда и всё получается. Ни так ли? Почему же у тебя, взрослого и здорового мужика, не получится? Обязательно получится. Обязательно и всенепременно!».

Конная повозка остановилась невдалеке, и бородатый кучер, выраженный в бесформенный суконный зипун, с островерхим войлочным колпаком на голове, видимо, никого не увидав рядом с костром, сердитым басом спросил-пригрозил:

– Кто будете такие, ась? Если добрые люди, то спокойно, с чистым сердцем выходите на свет. Если же злые ночные тати, то бегите прочь. У меня пистоль имеется при себе. Враз – пальну!

– Пальнул один такой, как же, – презрительно и вальяжно ответил Петр, вразвалочку выходя из-за сосны. – С тобой, холоп драный, разговаривает гусарский подполковник Пьер Бурмин! Слыхал о таком, паскуда лапотная? В батоги захотел? Так я это мигом организую! Чихнуть не успеешь...

Реакция на это наглое заявление превзошла все, даже самые смелые ожидания. Рослый бородатый мужик торопливо, нервно подрагивая всем телом, соскочил с облучка возка на снег, сорвал с головы (как выяснилось, лохматой до невозможности) войлочный колпак и, бухнувшись на колени, жалобно и раболепно запричитал:

– Батюшка, Пётр Афанасьевич! Не признал сразу! Каюсь! Не вели казнить! Не рассказывайте об этом барину! Христом Богом молю...

«Ничего себе, сочные пирожки с нежными телячьими почками!», – мысленно удивился Петька. – «Оказывается, что я в этих краях (в этих Временах?) персона весьма известная. Да, надо быть предельно осторожным и аккуратным, чтобы не ляпнуть чего лишнего невпопад...».

Пока он, молча, размышлял-сомневался, широко распахнулась дверца возка, и из него неуклюже выбрался – спиной вперёд – низенький господин с непокрытой черноволосой головой, облачённый в шикарную енотовую шубу до колен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.